

Читайте в серии
«Междумирье»:

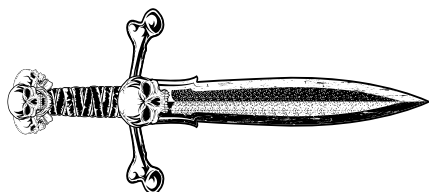
Исповедь демонолога

Пешка королевы

ПЕШКА КОРОЛЕВЫ

МАРИЯ САКРЫТИНА

Freedom

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С15

Иллюстрация на обложке *Тищенко Ирины (Soma)*

Арты на форзацах *Яны Слепцовой (Panda)*

Художественное оформление *Екатерины Ледковой*

Сакрытина, Мария Николаевна.

С15 Пешка королевы / Мария Сакрытина. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. — (Young Adult. Междумирье).

ISBN 978-5-04-179825-3

Лион — мир вечной ночи, где живут высшие демоны, во всем покорные своему Повелителю. Он жаждет заполучить власть над волшебниками, но королеве Междумирья пока удастся его сдерживать.

Меня зовут Шериада, и я ненавижу Повелителя, ведь он убивает всех, кого я люблю. Маги, способные подчинять демонов, крайне редки. Поэтому, когда я наткнулась на юного Элвина, обладающего особым даром, я знала, что он изменит соотношение сил в нашу пользу.

Увы, демонолог оказался не обучен. Я отправила его в академию Арлисс, но не смогла спрятать от Повелителя, и тот пытается шантажом заманить юношу на службу. Теперь мир между волшебниками и демонами зависит от выбора мальчишки, чей магический потенциал растёт день ото дня, и который даже не понимает, что стал пешкой в большой игре.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-179825-3

© Мария Сакрытина, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Мой друг однажды сказал, что Междумирье похоже на сказку. Я тогда подумал, что сказка эта страшная. Жестокость нравов, царящая здесь, ввергала меня в трепет. Здесь правит сила, а сильнее всех тут маги, и они владеют всем.

Я стал волшебником два месяца назад, до этого же о магии только в сказках читал. Но сейчас я учусь в самой престижной волшебной академии Средних миров — Арлиссе, а дома, на Острове, помогаю сдерживать нашествие варваров. Я распробовал силу, и мне начинало нравиться колдовать.

Если бы моя наставница, принцесса Шериада, не угрожала убить мою семью, я мог бы сказать, что моя жизнь очень приятна.

Я вернулся в Арлисс за пять дней до окончания каникул. Время в Междумирье течет не так, как на Острове — то спешит часов на шесть, то, наоборот, отстает. Я не очень удивился, когда застал поздний вечер, хотя на Острове едва минул полдень.

Междумирье жестоко. После нашей победы на первом Испытании я не удивился бы, например, засаде: портал могли отследить или перехватить. Это несложно, справится и первокурсник. Особенно если он всю жизнь провел в Нуклии — мире, где магия так же обычна, как снег у меня на родине.

Вдобавок я заранее отправил Ори записку, где примерно указал, когда вернусь (да, плюс-минус шесть часов). А ее перехватить еще легче портала. Ответа я не ждал, ведь Ори не маг, а значит, не способен передать письмо в другой мир.

Я был готов к неприятностям, но лишь для себя, а не для него. Как человек — то есть существо, не наделенное волшебной силой, — для магов Нуклия и Арлисса Ори не важнее, скажем, солонки. Вот почему весь первый месяц в академии атаки были направлены именно на меня. На моего же слугу — никогда. Не доходило и до шантажа: никто и представить не мог, что я привязан к Ори настолько, что захочу чем-то ради него пожертвовать. Для мага странно волноваться за человека. Так же странно, как для аристократа на Острове подружиться со своим камердинером.

Впрочем, засады не было, и мой портал никто не перехватил: он открылся как и должен был — в гостиной общежития. В распахнутые окна был виден закат: один за другим садились солнца, и зажигались в раскаленном от жары воздухе светлячки. Звонко пели цикады, сладко пахли цветы, еще влажные от недавней грозы. Альвийские розы с огромными шипами, все в каплях дождя, переливались, как самоцветы. А на полу ярко сверкали осколки стекла — по гостиной словно прошел ураган. Все что можно было разбить, было разбито, а что нельзя — опрокинуто.

Сердце пропустило удар, и перед глазами сама собой появилась схема атаки. Я сжал рукоять кинжала, сделал шаг вперед, и портал за моей спиной тихо закрылся.

Ничего не произошло. Никто не выпрыгнул на меня из-за угла, не проклял, не пустил стрелу из арбалета — ничего. Потому что никого рядом не было. Это я понял, когда страх чуть отступил и я смог рассуждать логично.

Следовало осмотреться, начать поиск. Как следует я это делать пока не умел, но слабое заклинание наколдовать мог. Всего-то и нужно было постараться увидеть отблески магии.

Ничего. Только резкий запах гнили, идущий из моей спальни. Я без всяких учебников мог сказать: пахло демонами.

— Ори?

Никто не отозвался.

Удерживая атакующее заклинание наготове, я прошел в спальню. Здесь тоже все было перевернуто вверх дном, но, насколько я мог судить, пропала лишь одна вещь — мой портрет с прикроватного столика.

На стене против двери, криво и с ошибками, кровью было начертано следующее:

«Хочешь вернуть своево смугу — приди ка мне»

В другой ситуации я бы рассмеялся: надо же, кто-то знает нуклийский хуже меня!

Но сейчас было не до смеха.

— Ори!

Я все еще надеялся, что это шутка. Как они узнали?..

И кто — они?

Ответ был очевиден: в комнате ощущался гнилостный запах, а осколки с обломками едва заметно светились красным. Такой след могла оставить лишь магия демонов, а те в Междумирье могли быть только в одном месте — в лионском посольстве. Их переговоры с Нуклием начались еще когда я уезжал, и Сэв упоминал какую-то демоницу.

Я собрался с духом. Точнее, попытался — руки дрожали, ужас гнал мысли по кругу: «демоны», «Ори», «смерть». Демоны — жестокие существа, особенно высшие. О, да высшие вообще ужас во плоти — так нам внушал учитель Байен, и книги по демонологии подтверждали его слова. Что я мог?..

Если пойду туда, куда меня, несомненно, приглашают, я погибну. Если не пойду — погибнет Ори.

Нил! Я бросился в холл, к двери на вторую половину. Мне нужен был совет, а к кому еще я мог обратиться, не рискуя быть убитым за слабость?

Однако Нила в общежитии не было. Я стучал, но он не отзывался. Дверь оказалась не заперта. Я приоткрыл ее и позвал. Никто не откликнулся. Заходить я не рискнул: у Нила вполне могли быть расставлены ловушки, которые я вряд ли смог бы заметить. Ждать возвращения соседа подвешенным над полом вниз головой я не собирался.

К тому же, сколько мне пришлось бы его ждать? Я понятия не имел, что от меня нужно высшим демонам, и не хотел это выяснять, но Ори наверняка пытались уже прямо сейчас. Та надпись на стене, возможно, была сделана именно его кровью.

Наверное, похититель думал, что я по крови и следу магии смогу его найти. Увы, за месяц в Арлиссе я освоил лишь основы магии. Тонкости поиска, кото-

рый даже не входил в мою специализацию, пока еще были мне неизвестны.

Но моей специализацией были демоны. Я и раньше мог их учуять, а после тренировок с Байеном — и недавно.

Я просто пошел на запах. От высших демонов исходит сильный запах: дыма, гноя, разложения... Смогли бы вы уловить запах гниющего мусора? Вот и я справился.

Шериада уверяла, что Междумирье создано магической аномалией, но это не совсем так. Аномалия, конечно, была — даже Повелительнице не под силу заманить Источник куда ей хочется. Но мир из этой аномалии королева Сиренитти создала сама, и одной из причин было удобное расположение — ровно между мирами Содружества — для торговли, а также политики. Демоны удобство тоже оценили. В Нуклии для них ядовит даже воздух — как сама земля убивает волшебников в Лионе. Неудивительно, что Междумирье Повелители сочли идеальным местом для переговоров. Здесь располагались оба посольства — и нуклийское, и лионское. Тогда я этого не знал, а сейчас не понимаю, зачем посольства разместили на территории волшебной академии. Впрочем, Арлисс был любимым детищем Сиренитти — полагаю, королева чувствовала себя здесь в безопасности чуть больше, чем где-либо еще. А может, и нет. Может, ей просто захотелось. Повелительница уже тогда была не в себе.

В любом случае в тот вечер мне было не до тонкостей политики. Меня мутило от присутствия демонов, а их, наверное, — от моего. Лионское посольство, куда я пришел в поисках похитителей Ори, — особняк, похожий на высокую, выше облаков, башню — впечатлило меня разве что своей простотой. Да, мрамор,

розовый кирпич — на это я уже посмотрелся. В холле за чем-то вроде барной стойки, тоже мраморной, сидела девушка-хумара. Пахло от нее так же, как от Нила, и на первый взгляд она казалась обычным человеком. Симпатичная, вежливая, поинтересовалась, не нужен ли мне целитель. И, наверное, он действительно был нужен: меня к тому моменту трясло от волнения и так мучил холод! Я почти перестал ощущать жару Между-мирья.

— Господин, приемные часы закончились, — девушка выразительно посмотрела на окно, за которым уже сгушался сумрак и танцевали светлячки. — Если у тебя назначена личная встреча...

А я стоял перед ней и думал, является ли приглашением на личную встречу послание кровью на стене? С грамматическими ошибками.

Допустим, но с кем? Это мог быть кто угодно из высших. Запах вел сюда, но в посольстве смешивался с запахом других демонов. Кого мне искать?

— Назови свое имя, — попросила девушка, когда наши взгляды встретились.

Забавно, она совсем не казалась испуганной. Или заколдованной. Скорее, деловитой — она быстро набрала что-то на артефакте, похожем на печатную машинку. И улыбнулась.

— Действительно, назначено. Что же ты не говоришь, господин? Госпожа посол давно тебя ждет. Я провожу.

Тогда я познакомился с такой демонической штукой, как лифт. Нет, я знал, конечно, что и у нас до Потопа такие имелись. И дома вроде этой башни — когда население в моем мире было столь многочисленным, что не все могли себе позволить особняки или квартирки поближе к земле. Я не представлял, каково

это — жить среди облаков. Настолько высоко, чтобы даже понадобилось специальное приспособление, позволяющее не подниматься по лестнице, когда нет сил и времени.

Я думал, оно будет скрипеть. Думал, почувствую хоть что-то.

Но ничего; я ощущал лишь невидимых низших. И жгучий холод внутри. словно сердце вынули, а вместо него вставили лед.

Когда лифт остановился, у меня дрожали колени, а руки пришлось спрятать за спину, чтобы не видно было, как они трясутся.

— Господин? — позвала девушка, когда двери снова открылись. — Прошу за мной.

Мы вышли в длинный коридор, полный зеркал. Кто в них только ни отражался! Я не хотел смотреть. Не хотел думать, что будет, когда я увижу... Как сказала эта служанка? Госпожу посла? Боже, а ей-то я зачем?

Девушка остановилась перед единственной дверью в конце коридора и постучала. Дверь сразу же открылась — без скрипа и прочих звуков, которые в мистических романах так любят описывать. Обычная дверь из черного дерева. Никакой крови, никакой драмы. Все обыденно и банально.

Я трясся перед ней, как мальчишка перед поркой.

— Прошу, господин, — вежливо пригласила девушка, отступая в сторону и давая мне пройти.

Помню, я лишь посмотрел на нее, ощущая беспомощность. Потому что, как ребенок, хотел, чтобы меня спасли, увели из этого места и дали жить спокойно.

Но из-за двери я ощутил тот же запах, что и в моей разрушенной спальне. А значит, Ори был там. И я обязан был его забрать.

Стоило лишь перешагнуть через порог, как дверь за мной тут же тихо закрылась.

Ничего не произошло. Огромная гостиная, залитая ярким, похожим на солнечный, светом, казалась пустой. Этот свет слепил глаза: я привык к свечам, на Острове мы пользуемся только ими. Даже магические светильники Междумирья не настолько яркие, чтобы их можно было сравнить с солнцем. Здесь же как будто был полдень.

И все было белым: стены, пол, кожаные кресла ровно в центре комнаты, а также пушистый ковер. Очень мало мебели для такого просторного помещения. Демоны называют это минимализмом, кому-то из волшебников такой стиль даже нравится, но мне от него тревожно: напоминает лаборатории, где так же чисто, просторно и время от времени приходится кого-то мучить.

Запах вел меня к приоткрытой двери у стеклянного шкафа-витрины. Оттуда раздавались голоса... точнее, один — женский, очень приятный.

Все высшие демоны обязаны носить человеческий облик в Нуклии и мирах Содружества. Но как бы ни были они похожи на людей, их обязательно выдадут когти, копыта, хвост или рога. Сидевшая на кожаном пуфике демонница казалась обычной девушкой — хрупкой, изящной, очень красивой. Если бы не запах гнили, я бы принял ее за человека. Рыжая, как Сэв, в зеленом халате на голое тело, — наготы она совершенно не стеснялась. Да, красивая. Ее звали леди Вэйна — это я, естественно, позже узнал. Молодая высокородная демонница, которая восприняла свое назначение послом в Нуклий как ссылку, и очень здесь скучала.

А когда демону скучно, он ищет развлечений — как наши аристократы на Острове. Такие забавы для простых людей ничем хорошим не заканчиваются.

Сейчас леди развлекалась тем, что кормила Ори виноградом. С руки. Сомневаюсь, что Ори понимал, что происходит: у него был совершенно стеклянный взгляд (даже высшие демоны не в ладах с ментальной магией, которая доступна только нам, людям, — а значит, не способны наколдовать изящное заклинание подчинения, которое нельзя отличить от личной воли). Но Ори расслабленно сидел на ковре у ее ног и послушно открывал рот. Вэйна играла с ним, как с собакой: то забирала в последний момент виноградину, то поднимала гроздь, заставляя за ней тянуться. И бормотала при этом всякие глупости, как знатная дама со спутником. Compliments губам Ори, глазам, покорности... Это слишком болезненно напоминало то, как обращались раньше со мной. Ноги стали ватными, дыхание перехватило. Я прислонился к косяку двери, пытаюсь прийти в себя.

— Ну что же ты стоишь, демонолог? — позвала она, не отвлекаясь от Ори. — Проходи, присоединяйся.

Я чуть было не спросил: «К чему?», но вовремя сдержался. И так было ясно.

— У тебя милый слуга, — продолжила Вэйна. — Люблю рыжих. Это как развлекаться с родственниками. Знаю, у вас, людей, это не принято, а зря, потому что... — Она подняла голову, впервые посмотрела на меня и осеклась.

Женщины все одинаковые — что люди, что демоны: видят привлекательного юношу и тут же хотят его получить. Я почувствовал злость, как будто огонь внутри загорелся — едва-едва, несмело, словно вот-вот потухнет. Но дышать стало легче.

Я шагнул к Ори, опустился рядом с ним на колени и заставил посмотреть на меня. Обычный человек ничего не заметил бы. Волшебнику — мне, по край-

ней мере — это напомнило кокон из паутины. Липкие красные нити, от которых несло гнилью, как и от их хозяйки.

— А ты красив, — произнесла наконец Вэйна. — Жаль, что не рыжий, но... Ты очень красив.

Меня это еще больше разозлило. Я не должен был давать волю гневу, как, впрочем, и страху. Я должен был... Что?

Впервые я подумал, что мог рассказать все, например, куратору. Это было бы слабостью? Возможно. Однако чего я добьюсь своим появлением здесь? Высшая демоница меня выпотрошит — и как это поможет Ори?

Я глуп, раз позволяю эмоциям влиять на меня. Учитель Байен столько раз меня за это ругал!

— О да, — продолжала Вэйна. Голос ее сделался монотонным, как будто сонным. — Я никогда не видела такого красивого демонолога. Я думала, твой художник тебе польстил. У вас, людей, разве так не принято?

— Отпусти моего слугу, госпожа, — перебил ее я.

Вэйна помолчала, все еще глядя на меня, как будто приходя в себя. И улыбнулась, а я заметил, что ее передние зубы длинные, острые и немного изогнутые, как у змеи.

— Несомненно, милый. Как пожелаешь. Но не сразу. Сначала ты кое-что для меня сделаешь.

Она отложила блюдце с виноградом и стала разглядывать меня внимательным немигающим взглядом змеи, смотрящей на жертву. Мне следовало отвернуться. Или хотя бы опустить взгляд. Смотреть в глаза знатной даме, когда ты спутник, позволительно лишь когда она сама разрешит. Смотреть в глаза демону можно, только если уверен в своих силах. Вэйна была высшим демоном. Я учился магии всего месяц к тому

времени. У меня до сих пор не всегда получалось изгонять даже низших.

Но я смотрел в ответ, и огонь внутри разгорался все сильнее и сильнее. «Бей, — шептал в памяти голос мастера Рэйвена. — Бей, кто бы это ни был».

Она ворвалась в мой дом. Забрала моего слугу. Смотрела сейчас на меня, как на игрушку.

Меня трясло теперь не от волнения, а от ярости, и это было плохо. Очень плохо.

Вэйна ничего не замечала. Она склонила голову в сторону, потом в другую. Подмигнула и по-дружески фамильярно сказала:

— Знаешь, у меня давно не было демонологов. Маги, конечно, были. Маги вкусные. Но демонологи — совсем другое дело. — Вдруг в глубине комнаты, за кроватью без полога раздался металлический лязг, и демоница нахмурилась. — Я хочу сказать, нормальных демонологов, в отличие от этого убожества.

Я проследил за ее взглядом и стиснул зубы от злости, увидев, как окровавленный, в лохмотьях, Нил, прикованный золотой цепью к кровати, прямо сейчас, дрожа, пытался встать на колени. Оба его глаза заплыли, но он все равно поднял голову и силился разглядеть... меня?

— Хумара! — воскликнула Вэйна с невероятным презрением.

«Как ты смеешь? — подумал я. — Ты еще и забрала моего друга? Как ты посмела?»

— Эл-лвин? — голос Нила звучал очень слабо. — Ух-ходи. С-сейчас же.

Я закрыл на мгновение глаза. А когда открыл, мир сделался невероятно ярким, до боли, до рези.

— Он еще и приказывает! — фыркнула демоница. — Хочешь, я его выпорю? За тебя. Впрочем, на нем

и так живого места нет. О, я придумала! Покажи, как ты его пытаешь? Покажи, ну же!

Я словно со стороны услышал свой голос:

— Его я тоже заберу, госпожа.

Вэйна поджала губы — прямо как юная аристократка, которой подарили серебряную брошь в то время, когда она хотела золотую.

— Вот уж нет. Разве что ты очень хорош в постели? Скажи... — она вмиг оказалась вплотную ко мне, и меня замутило от ее запаха. — Скажи, Э-э-элвин... Хорош ли ты в постели?

Ее змеиный язык скользнул по моей щеке. Не знаю, почему меня до сих пор не стошнило.

— Пожалуйста, не нужно, госпожа. — Каким чудом я еще умудрялся говорить спокойно? — Я не хочу.

Любая волшебница на ее месте отпустила бы меня. Отказ — главное, вовремя озвученный — есть отказ, в Нуклии его уважают. Не все, конечно, и не всегда, но насилие здесь понимают как слабость. Если ты не можешь очаровать партнера, если для секса тебе придется применять силу — стыдись!

У демонов, очевидно, не так.

— Зато я хочу, — сказала Вэйна и впиалась в мои губы долгим, глубоким поцелуем.

Знаете, у меня богатый опыт. Но этот поцелуй — самое мерзкое, что я когда-либо делал. Я словно целовался с настоящей змеей.

В ярости я оттолкнул Вэйну — она ударилась о стену, и камень в том месте треснул. Меня это нисколько не удивило. Вэйну тоже.

— Как ты смеешь? — весело спросила она, разминая плечи, которые стали быстро покрываться чешуей. — Впрочем, так даже интереснее.

Мгновение спустя я и сам распластался на той стене, а демоница, сдавив мне горло, когтем подцепила ониксовую подвеску Шериады.

— Думаешь, тебе это поможет? Не обольщайся, малыш.

Помню охвативший меня ужас, когда подвеска, упав, ударилась о мраморный пол и, сверкнув напоследок синим, погасла. Я смотрел на нее и задыхался.

— Тебе ничто не поможет, — продолжала Вэйна. — Но ты не бойся, милый, я все равно тебя не убью. Я просто хочу понять, на что положил глаз мой Повелитель. Чем ты так ценен? И вот еще что — скажи, ты уже спал с демоницами? Или я буду твоей первой? Ах, я польщена.

«Ты никакой не будешь», — подумал я, а она протянула руку и когтем надорвала на мне сорочку.

Тут комнату наполнил свет. Яркий золотой свет и чистейшая ярость — все мои. Все вокруг затряслось: дрожали стены, треснул потолок, про пол и говорить нечего. Еще этот страшный шум — демоны не кричат от боли, это, скорее, похоже на ультразвук. Но о таких физических понятиях я тогда, конечно, не знал. Мне просто заложило уши, но это были мелочи. Я дрожал от гнева, никого мне еще не хотелось убить так сильно, как эту высшую. Никогда. До этого момента.

Нельзя быть магом, жить в Нуклии и не запачкать руки. Тогда я еще был чист, просто потому что не успел.

Дверь в комнату разлетелась в щепки, и... Все. Свет исчез. А из меня словно выкачали все — чувства, эмоции, даже воздух. Осталась одна пустота.

Помню, как удивленно смотрел на нечто бесформенное — то ли змею, то ли девушку, скорчившуюся между стеной и кроватью. На осколки стекла и облом-

ки мебели. На раздавленный виноград. Смятую золотую цепь.

Смотрел и не понимал: кто это сделал? Как? Никого, кроме нас, ведь не было.

И почему внутри меня так жутко, смертельно пусто? Словно часть, которая была мной, вынули, и ничего не оставили взамен.

Потом из скомканных одеял на кровати высунулась рыжая голова, осмотрелась и произнесла:

— Ого! Я, кажется, пропустил знатную заварушку. Привет, Эл!

А от двери раздалось:

— Принц Сэврий?

Я обернулся, а Сэв выдохнул:

— О нет!

И снова спрятался в одеялах.

Высокий смуглый юноша, чем-то неуловимо напоминающий Шериаду, стоял в дверях и смотрел на меня. Его глаза были карими — обычно это теплый цвет, но от его взгляда у меня появились мурашки. На черных, идеально уложенных волосах красовалась серебряная корона.

«Надо же! Еще одна королевская особа», — подумал я и вдруг ощутил, как падаю назад.

Удара я не помню. И не только его: вокруг вдруг резко стемнело. Кажется, меня куда-то несли. Чей-то голос сказал:

— Сиренитти будет в ярости.

Потом в рот полилась горячая, отдающая железом жидкость. Я проглотил и тогда только понял, что это была кровь. Попытался уклониться, но что-то мешало. Мне зажали нос, рот был полон крови — на этом мои воспоминания обрываются. Наверное, я потерял сознание.

Или заснул, потому что мне чудились голоса — тихие, словно издалека. И кровь, всюду была кровь, я сам был весь в ней, она текла мне в рот, я захлебывался, меня тошнило, и тогда все повторялось.

Неудивительно, что проснулся я больной — слабый, мокрый от пота, с противным привкусом крови во рту и пересохшими, потрескавшимися губами. И первой моей мыслью было: «Какой ужас! Я, наверное, кошмарно выгляжу! Скорее, дайте мне зеркало».

— Элвин?

Пару мгновений я пытался вспомнить, кому принадлежит этот голос, потом — откликнуться, но распухший язык еле ворочался.

— Сейчас, — шепнул Нил, и моих губ коснулся прохладный край стакана.

Вода была блаженством. Я пил, пил... и думал, что никогда не напьюсь. Как в той сказке про волшебниц, которые выпивали целые реки — Тина любила ее в детстве. Я раньше не мог даже представить такой жажды. Зато мог теперь.

Нил забрал пустой стакан и, заметив, что я пытаюсь сесть, поправил подушку. Наверное, моя улыбка была жалкой, потому что он тут же спросил, снова шепотом:

— Позвать целителя?

— Не... надо...

А может, и стоило. Мне потребовалась целая вечность, чтобы только открыть глаза.

Нил — светлое пятно на фоне густых сумерек — склонился надо мной. Я хоть и с трудом, но разглядел на нем новый черный костюм. Нет, не костюм — то есть не повседневный и даже не домашний, а тот, что в Нуклии надевают для сна. Просторная удобная куртка и штаны на резинке.

Нил сидел на моей кровати, он был бледным — впрочем, как всегда, — осунувшимся, но ссадины, синяки и царапины исчезли. Золотая цепь тоже.

Я тяжело сглотнул, и он наклонился ко мне.

— Еще воды?

— Ори... г-где?

Нил кивнул куда-то в сторону. Я попытался проследить за его взглядом, но вдруг ощутил резкую боль в голове.

— Я... не...

— Он здесь. Спит. Элвин, прости, но ты тут уже вторые сутки, он все время был с тобой, и я дал... То есть мне пришлось дать ему успокоительное, — поправился Нил. — Все это время он глаз не сомкнул. Но с ним все в порядке. Целители его осмотрели. И его, и Сэва.

Сэв? Я почти решил, что он мне приснился.

— А... ты?

Нил вздохнул.

— И я тут тоже вторые сутки. В соседней палате. Мы в целительском корпусе. Фэй нас навещал, ты не помнишь? Ты бредил.

Я попытался осмотреться, но по-прежнему видел только сумрак. У меня что-то с глазами?

— Что... со м-мной?

Нил слабо улыбнулся.

— Магическое истощение. Очень сильное. Не волнуйся, — тут же добавил он. — Ты сможешь колдовать.

Магия была мне тогда безразлична. От нее, похоже, одни беды, как и от моей красоты.

Увы, и то и другое было необходимо, так как спасало мою семью.

— Тебя приходила лечить сама Повелительница, — продолжил Нил. — Так что с тобой точно все будет хо-

рошо. Говорят, она — лучшая целительница во всех Средних мирах.

— Да? — переспросил я.

Эта новость должна была меня взбодрить, но сейчас я чувствовал лишь усталость. Мифическая Повелительница, которой все-таки есть до меня дело. Если верить Шериаде, я живу только для того, чтобы поклясться королеве Средних миров в верности. И вот она пришла посмотреть, не сломалась ли ее игрушка. Или солдатик, — ведь такое будущее она мне прочит? Нуклий и Лион ненавидят друг друга, а я — демонолог. Кем еще, кроме солдата какой-нибудь из этих армий мне стать?

К тому же были вещи, которые волновали меня сильнее внимания королевских особ.

— А... Демон-ница...

Нил хмыкнул. На его бледном лице улыбка смотрелась зловеще.

— Я лежу здесь вместе с тобой, и выходить мне пока не разрешают, однако Сэврорий тут постоянно околачивается. В общем, по его словам, Повелительница ее наказала.

Наказала. Как рассказал мне потом сам Сэв — а он всегда с удовольствием сплетничал, королева Сиренитти не просто была в ярости. Она чуть не разрушила здание лионского посольства, а леди Вэйну, по выражению Сэва, «вытрясла и отжала». Что бы это ни значило.

— Ты говорил, что твоя наставница — знатная дама, — добавил Нил. — И слухи ходили про тебя и Повелителя, что он не прочь заполучить тебя себе на службу. Но я думал, это всего лишь слухи. Однако после того, как тебя осмотрела королева... а она была в гневе, Элвин, ты не представляешь, это ужасно. Я не видел, но чувствовал его даже из соседней палаты. Зачем ей

гневаться? Разве это не наша беда, если какая-то высокородная демоница решила провести с нами время? Так вот, когда Сиренитти ушла, вечером — да, вчера — сюда влетел Повелитель. Эл, ты его раньше видел?

Я кивнул.

— Ну да, конечно, — Нил задумчиво посмотрел на меня, потом продолжил: — Он тоже был в ярости. Уточнил, сможешь ли ты колдовать, узнал, что Повелительница была здесь, и сразу повеселел. Узнал сплетню о судьбе своего посла. И представляешь, не расстроился. Но его посла, представителя Лиона, оскорбили; разве это не должно означать... не знаю, если не войну, то... конфликт? Но Повелителя это нисколько не смутило. Он заявил, что «я этой сумасшедшей и сам добавлю». И исчез. Говорят, вместе с послом. Не думаю, что она нас еще побеспокоит.

Да. Я тоже не думаю.

— Эл, — тихо произнес Нил после паузы. — Ты знал, что привлек внимание Повелителей?

О да.

Я промолчал, но Нил все понял.

— И никто из них до сих пор не заставил тебя дать клятву?

— Я н-не хочу... им к-клясться.

Нил поднял брови.

— Но Элвин, покровители настолько сильные, как Повелители — мечта любого мага! Бездна, ты что, серьезно?

— Он... шантажир-ровал... м-меня... м-моим другом. Руадан. Он... ужасен...

Нил слабо улыбнулся.

— Другом. Элвин, почему ты вообще оказался в посольстве? Ты не мог не чувствовать, что там для тебя опасно.

— Ори...

Нил скривился. И тут же шепотом зачастил:

— Эл, ты не должен был! Ты же понимаешь, что не должен был? Я говорил тебе уйти, она же высший демон, ты знаешь, на что они способны, наставник нам рассказывал, ты что, все забыл?

— Н-нет.

— Тогда зачем?

Я закрыл глаза. Понял, что еще чуть-чуть — и опять засну, поэтому открыл снова.

— А ты... как... там... оказался?

Нил тут же сник.

— Эл... прости меня, я такой глупый!

— Р-разве? — мне всегда казалось, что из нас двоих Нил самый рассудительный.

— Да. Ты меня сейчас возненавидишь, — он зажмурился, как будто ожидая удара. Однако продолжил говорить: — Сэврорий... Принц хотел познакомиться с госпожой послом. Но она же — высший демон, и потому Сэв решил не отправляться к ней одиночку: никто же не знает, что ей придет в голову. Демонолог нужен был Сэву на случай, если бы она напала. Так что он решил дождаться твоего возвращения. Однако ты задерживался, и тогда он пришел ко мне. Я отказал, но... понимаешь...

Понимаю. Еще как! Сэву невозможно отказать — возьмет измором. Как меня с яблоком и кинжалами.

— Он говорил, у него есть план, мне даже в посольство заходить не придется. Но... в общем, так вышло, — Нил сокрушенно покачал головой. — Демоница с удовольствием поиграла с Сэвом, — наверное, он этого и хотел. Не знаю. Она чем-то его опоила, и он рассказал о тебе. Хвастался, что ты сильный, что ты красив и... так далее. Конечно, она тобой заинтере-

совалась. Про Ори Сэв не знал, но демоница, наверное, решила, что это поможет сделать тебя сговорчивее. А если нет, то, сам знаешь, люди же вкусные — так считают демоны. Она поэтому приказала увести Ори, Эл. Из-за меня. Я не смог отказать принцу. Если бы смог, ничего бы не было. Прости меня.

— За что? Сэв... он такой. Все... нормально, Нил. Ори же не... пострадал?

— Он — нет. Зато пострадал ты.

— Я... тоже. Ты же сам... говоришь... Я только немного... отдохну. Еще чуть-чуть...

Уже засыпая, я слышал, как Нил говорит:

— Ты такой сильный, Эл, и такой глупый.

Наверное, он прав. Хотя сильным я себя совсем не чувствовал.

Крови больше не было. На этот раз мне приснилось теплое прикосновение. Я помнил его еще с Острова, ни с чем бы не спутал. Шериада убрала руку, и я поймал ее взгляд. Конечно, это был сон, потому что я заметил, что она встревожена.

Нил был прав: уже на следующее утро я проснулся здоровым. Магия по-прежнему меня не слушалась, но это было как раз нормально. Для хорошего колдовства мне и раньше требовалось как следует разозлиться.

Осматривавший меня целитель был человеком — похожим на хорька стариком. Позже я узнал, что это личный лекарь Повелительницы.

— Сначала колдуют, — ворчал он, — потом думают. Думать, молодой человек, полезно для здоровья. Думай, пожалуйста, почаще.

Я поймал взгляд стоявшего прижавшись к стене Ори и выдохнул:

— Да, господин. Прошу прощения, а моего слугу вы... То есть ты уже осмотрел?

Ори потупился, а целитель посмотрел на него.

— Волнуешься? Нет бы отдохнуть, а он волнуется... Осмотрел, первым делом. Боишься, что раз твой слуга — человек, про него забыли? Как же! Здесь был принц, а он про людей никогда не забывает.

— Принц? — я подумал, что он говорит про Сэва, и удивился. На моей памяти Сэву никогда не было дела до людей. Если это не симпатичные девушки, разумеется.

— Лэйён, принц Средних миров, — добавил целитель. — А теперь смотри на меня, слушай и запоминай: следующий раз, когда ты решишь опустошить свой магический резерв, может стать для тебя последним. Надорвешься. Понимаешь?

— Да?.. Господин.

— Ничего ты не понимаешь, — вздохнул целитель. — Молодежь! Колдуют много, себя не жалеют... Потом ходят за мной и требуют вернуть им магию. А я что? Раньше думать надо было. Думать! — он ткнул в мой лоб пальцем. — Ясно?

— Да, господин.

Кажется, я его разозлил. По крайней мере, уходя, он бормотал про глупых юнцов и пользу магического воздержания. А я думал, что в моем случае воздержание — не проблема: и так колдовать совсем не получается.

После целителя в палату заглянула девушка — наверное, медсестра, или как это здесь называется? Она была человеком, и смотрела на меня, как на бога. Полагаю, нам обоим было одинаково неловко.

— Господин, вот твой рецепт. Мастер Ингер его только что выписал. Ой, я сейчас тебе заготовки для зелья принесу! Или лучше сами зелья? Я и зелья могу, ты только скажи!

Я спросил у нее про Нила — оказалось, его уже выписали.

— Такой вежливый демон, — говорила девушка, пока расставляла на прикроватной тумбочке зелья. Ряд их получался длинным. — Я даже не знала, что такие бывают!

Я улыбнулся, и она совсем расцвела. Симпатичная, русая, со вздернутым носиком и озорным взглядом. Помню, подумал, что Сэву она понравилась бы. Я и сам, глядя на нее, на мгновение почувствовал нечто вроде... Ну...

Но это быстро прошло.

— Вот, господин, готово. Мастер Ингер уверяет, что ты здоров и можешь возвращаться домой. Твой слуга сейчас принесет одежду и артефакты, — девушка оглянулась на Ори, и тот кивнул.

Когда они ушли, я сел на постели и с наслаждением потянулся. Не чувствовать слабость было приятно. Знать, что здоров — тем более. А возможность вернуться домой, что бы я ни считал сейчас домом — еще лучше. Больниц я боялся с детства. У нас на Острове это серые, часто грязные здания, где пациенты лежат в комнатах по десять-пятнадцать человек. Неудивительно, что многие предпочитают лечиться дома. Говорят, в больницах умирают чаще. А уж врачи! — от одного их вида хочется поскорее отправиться на тот свет. Помню, когда водил на обследование Тину, к нам вышел мужчина с огромными руками и кровью на сером фартуке. Ни дать ни взять мясник. Я и не ждал, что он нам чем-то поможет.

В Нуклии, как я позже узнал, все совсем не так. Но раз обжегся — потом всю жизнь дуешь на воду. Врачей я до сих пор боюсь и предпочитаю лечить себя сам. Или в крайнем случае обращаться к друзьям, благо целителей среди них хватает. Но я забегаю вперед.

Как бы я по привычке ни представлял больницу, в моей палате все было по-другому. Во-первых, она оказалась чистой. Во-вторых, просторной и светлой. В Арлиссе не скупилась на дорогие материалы, вот и здесь в интерьере хватало драгоценного нуклийского стекла, усиливающего магию, белого дерева (тоже неплохой волшебный проводник) и мрамора (его в Междумирье просто очень любят). Чисто, светло, не так уютно, конечно, как в общежитии, но все равно роскошно. Если в моей спальне все пространство занимала кровать, то здесь — демонические артефакты, большинство из которых я видел впервые. Коробки, в которых кто-то пищал, светящиеся шары, трубки, подставка с закрытой шкатулкой. Да, к таким больницам я точно не привык.

Рецепт по-прежнему лежал на столе рядом с флаконами. Мне полагалось все это пить неделю в разных количествах и в разное время. Как бы не забыть!

А сбоку, на прикроватном столике лежала ониксовая подвеска. Я чуть не вскрикнул от радости при виде нее. Слава богу! Кто бы ее ни вернул, — спасибо! Я прекрасно осознавал, что без этого артефакта буду совершенно беззащитен не только на следующем испытании (хотя до него еще дожить надо было), но и на уроках.

Подвеска приятно нагрелась, коснувшись кожи, и сама нырнула под воротник ночного костюма. Я облегченно вздохнул. Тут дверь осторожно приоткрылась. В щель протиснулся, балансируя под грузом коробок, Ори.

— Господин, простите за задержку, — сказал он на языке Острова, — я должен был сразу забрать ваши вещи, а теперь вам приходится ждать и...

— Ори, пожалуйста! — перебил я. — Как ты?

Он робко взглянул на меня.

— Все хорошо, господин. Разрешите?..

Я встал, и он тут же принялся расстегивать пуговицы ночной куртки (как будто я сам не мог!).

— Ори, с тобой точно все в порядке?

Он замер и быстро огляделся, как будто ожидал найти шпиона или убийцу. Потом подошел вплотную и шепнул:

— Не делайте так больше. Никогда.

Я тоже огляделся. Магии вокруг было много — целительской; она ярко-синяя и пахнет грозой, ее ни с чем не спутаешь.

— Ори, нас не подслушивают. Я ничего не чувствую. Правда. И я не понимаю, чего я не должен делать?

Он накинул на меня сорочку, снова взялся за пуговицы — теперь из черного жемчуга, а не серебра. И сказал по-прежнему тихо:

— Вы пришли за мной. Сами. Вы не должны были. Понимаете?

— Понимаю, — я отодвинулся и склонился над шкатулкой с артефактами. Не уверен, что Ори вообще мог к ним прикасаться. Браслет Арлисса и клипса-змея для связи с куратором и группой были тут, ничего не пропало. — Но ты ошибаешься.

И тут же вздрогнул, потому что Ори схватил меня за руку и, дернув, развернул к себе.

— Послушайте, я не могу быть вам другом, — твердо сказал он, глядя мне прямо в глаза, что само по себе уже было по нуклийским меркам вызовом. — Мы не равны. Вы — маг, я — человек. Мы не можем быть равны. Вы не должны рисковать собой из-за меня. Я не должен значить для вас больше, чем эта сорочка. А лучше даже меньше, потому что я не так дорого стою, — добавил он, улыбнувшись. — Вы понимаете?

— Понимаю, — повторил я. — Но не согласен.

Однако прежде, чем я потянулся к браслету, чтобы открыть портал, Ори поймал мою руку и крепко сжал.

— Накажите меня потом, господин, но я скажу: вы слишком упрямы, и это может стоить вам жизни. А я не хочу стать причиной вашей смерти. Не ставьте меня в такое положение. Теперь вы понимаете?

Я кивнул.

— Конечно. Ты прав, я слишком упряма. Идем.

И я открыл портал прежде, чем Ори успел снова что-то добавить.

В общежитии уже прибрались. Наверняка магией: не осталось никаких следов погрома, как будто ничего и не было. Словно я только сейчас вернулся с Острова домой... то есть в Арлисс. Наверное, лучше всего было бы забыть этот эпизод с госпожой послом как страшный сон.

Но в гостиной на диване напротив камина сидела Шериада и внимательно смотрела на меня. Ясно было без слов — она в ярости. Спутников учат угадывать настроение госпожи, и за два года я в этом поднаторел: женщины злятся одинаково. Характерный прищур, поджатые губы, презрительный взгляд — все признаки. До того, как она начнет кричать, разумеется.

Ори вздрогнул, мягко высвободил руку и отступил к двери.

— Доброе утро, госпожа, — улыбнулся я. Получилось наверняка спокойно и совершенно естественно. Положа руку на сердце, признаю, в моем прошлом спутника есть свои плюсы — выдержке я научился именно там.

Принцесса на приветствие не ответила. Вместо этого она сказала, не сводя с меня внимательного взгляда:

— Ори, оставь нас.

— Да, миледи.

Думаю, он был только рад исчезнуть, — я бы точно был рад. Надвигалась буря, но вот что странно: раньше я бы уже умолял госпожу успокоиться, искал бы слова, просил. Сейчас я просто стоял и смотрел. Мне было совершенно все равно, что она скажет или сделает.

Кажется, Арлисс меня испортил.

Стоило Ори скрыться за дверью, как принцесса встала, медленно прошла ко мне, остановилась очень близко и подняла голову — я и забыл насколько Шериада ниже меня. Если подумать, это даже забавно: именно я смотрел на нее сверху вниз.

И тут она, ни слова не говоря, ударила меня. По щеке. Задела перстнем скулу, и синяк пришлось потом обрабатывать той волшебной мазью, которая все следы убирает.

Я отпрянул и уперся спиной в стену, чудом не задев каминную полку.

Шериада молча смотрела на меня. Обычно женщины в гневе кричат. Может, не сразу, но голос они обязательно повышают. Принцесса молчала. Только смотрела. Но ее взгляд жег не хуже атакующих заклинаний — я не смог его выдержать и потупился. Наверное, так же, как Ори. Это само по себе было слабостью, а слабость в Арлиссе недопустима. Но я просто не мог поднять взгляд. Как будто на меня что-то давило, заставляло склонять голову все ниже и ниже. И это «что-то» точно было магией.

— Элвин, напомни, я говорила тебе быть хорошим мальчиком и не лезть в неприятности? — пропела Шериада. Ее голос звучал до невозможности сладко.

— Да, госпожа.

— Чудесно. Тогда какого демона тебя понесло в лионское посольство?

Я сжал кулаки за спиной.

— Демона, госпожа? Того, который похитил моего камердинера.

Шериада пальцем подцепила мой подбородок, вынуждая смотреть на нее.

— И чего же ты надеялся достичь своим визитом?

Я молчал.

— Ты ждал, что демоница отпустит твоего слугу? — предположила Шериада. — Тогда ты глуп. Ты ждал, что сможешь заставить ее отпустить Ори? Тогда ты безумен. Так скажи же мне, чего ты хотел добиться, когда шел туда? Отвечай!

Меня словно хлыстом огрели — так звучал теперь ее голос.

— Я должен был что-то сделать, госпожа.

— Вот именно. Что-то. Что именно, Элвин, ты должен был сделать?

Я снова промолчал. Мне очень хотелось ей нагрубить, но я боялся последствий. Я все еще был слишком слаб для противостояния Шериаде.

Принцесса потянулась и пальцем постучала по клипсе-змее.

— У тебя есть куратор. Его работа — решать такие проблемы. Ты должен был первым делом сообщить ему. Ты это сделал?

Я сжал зубы, выдохнул и потом процедил:

— Нет. Госпожа.

— Правильно. Я была у Рэми, он это подтверждает. Почему ты этого не сделал?

— Я не думал, что он поможет. Госпожа.

— Нет. Неверно. Ты вообще не думал, — принцесса снова прищурилась. — Думать, Элвин, полезно. А чтобы помочь тебе думать, я напомним: еще одна такая выходка — и ты вылетишь из Арлисса и вернешься

на Остров, но не волшебником, даже не мечтай. Я заблокирую твою магию, и вряд ли ты после этого долго проживешь.

— А как же Повелительница, госпожа? Ваша хозяйка будет недовольна.

— Она уже недовольна. Тобой. Глупый мальчишка, ты сорвал переговоры! Месяцы подготовки, интриги, подкуп, а ты просто явился к лионскому послу и едва ее не развоплотил. Ты понимаешь, что за такое войну объявляют?

— Почему же я еще не в темнице, госпожа?

Шериада снова поймала мой взгляд.

— Она все еще заинтересована в союзе с тобой. Тебе повезло. На этот раз. Но завтра ты весь день проведешь с Руаданом. Будь добр, сходи перед этим к Источнику. И найди себе наконец девушку, займись с ней сексом, Элвин! Ты же, бездна тебя забери, демонолог, вам воздержание вообще противопоказано. А твой магический фон штормит так, что только слепой не разглядит.

Она отвернулась. Я решил было, что она уйдет порталом, но нет — Шериада задумчиво смотрела на пустой камин.

— Осмотри библиотеку, я привезла тебе новые книги.

— Благодарю, госпожа.

Принцесса обернулась, окинула меня взглядом и грустно вздохнула. Но так ничего и не сказала. Когда она исчезла, я тронул скулу, по которой пришелся удар. Было больно. С какой же силой бьет эта маленькая женщина?

Ори, наверное, все слышал, потому что вернулся уже с мазью от ушибов.

— Господин, накрывать ли завтрак? — поинтересовался он, пока я рассматривал себя в зеркало. — Могу я спросить, будут ли у вас гости?

«Срочное сообщение от куратора, — прошипела клипса-змея. — Всем собраться в учебной комнате в 11.30».

Я вздохнул и машинально погладил змею. Та явственно пошевелила кончиком серебряного хвоста.

— Нет, Ори, завтрак будет позже. Приготовь мне, пожалуйста, костюм для учебы.

Я стал совсем как знатная девица на Острове с этими сменами платья по поводу и без. Костюм для сна, для дома, для учебы, для занятий с учителем Байеном (самый потрепанный). У меня даже был костюм для библиотеки! Как Ори умудрялся не запутаться в этом разнообразии одежды — не знаю.

Мода Нуклия меняется быстро. Когда торгуешь с таким количеством миров (миров, а не стран!), постоянно сталкиваешься с интересными новинками. Вышитые сорочки свободного кроя в Нуклии задержались, зауженные брюки носит брат Повелительницы, и потому все волшебники должны делать наоборот — носить свободные брюки. Одно время даже вошли в моду шаровары из Золотой империи.

В этом месяце популярным стал широкий пояс-корсет.

«Господин, миледи прислала десять штук из разных видов кожи, есть даже из драконьей, — искренно восхищался Ори. — Посмотрите, как вам идет!»

Я всегда был стройным, а после месяца учебы совсем усох, так что Ори оказался прав — выглядело действительно хорошо. Вдобавок в поясе имелись небольшие потайные карманы, спрятанные за накладными узорами из драгоценных камней, а я уже достаточно приспособился к жизни волшебника, чтобы иметь необходимость носить с собой запасные артефакты и зелья. Благодаря Шериаде, и того и другого у меня было в досталь.

Волшебники за модой тщательно следят, поэтому когда через полчаса я появился в учебной комнате, то увидел, что в таких поясах щеголяют все, кроме альвов и Нила.

— Элвин, ты заставил себя ждать, — сказал куратор, закрывая за мной дверь.

Я как-то умудрился прийти последним. Странно, обычно мне удавалось не опаздывать.

Впрочем, стыдно не было.

— Прости, мастер.

Рэми указал на свободное кресло рядом с альвами. Сидящий в другом конце комнаты Нил, с ног до головы обвешанный артефактами, поймал мой взгляд и вопросительно поднял брови. Фэй — как всегда, под строгим надзором брата — улыбнулся мне. Сэв, не отвлекаясь, беседовал с Адель. Наила спала в кресле. Один Криденс сидел в стороне, непривычно тихий. Может, уже нарвался, и куратор «наградил» его заклятием немоты?

— Что ж, господа, — устроившись за учительским столом, начал куратор. — Думаю, вы знаете, зачем я вас собрал.

Все взгляды обратились к нему. Предполагать мы, конечно, могли, но знать? Хм.

Первым свое предположение высказал, конечно же, Сэв.

— Мы будем праздновать победу на первом Испытании, да?

Куратор хмыкнул.

— Ты, Сэв, все что мог, уже отпраздновал. Нет, неверно. Праздновать вам нечего.

Сэв сокрушенно вздохнул.

— Вы все слышали, что произошло с лионским послом позавчера, — продолжил куратор, и я вздрогнул.

— Ага, — тут же вставил Сэв. — Повелители превратили ее в мяч и сыграли с ней и ракетками. Руадан победил.

— Потому что у королевы ракетка два раза сломалась, — зачем-то вставила Адель.

— Колдовать надо лучше, — парировал Сэв. — Я все равно выиграл.

— Выиграл в чем? — голос куратора ничего хорошего не сулил.

Сэв с Адель переглянулись.

— Но все же видели, как Повелители играли. И ставки все делали. Ничего противозаконного!

— Совсем ничего, — ответил куратор и улыбнулся. — Совершенно. Просто кое-кто решил, что переждать с высшей демоницей, да к тому же наследницей Третьего дома — отличная идея. Да, Сэв?

Принц нахмурился.

— А что? Ей понравилось, мне понравилось. В чем проблема?

— Никакой проблемы. — Я и сам удивился тому, как жутко прозвучал мой голос. Раньше я на таких собраниях молчал. — Совершенно никакой, кроме того, что Нила и моего слугу чуть не убили.

— Элвин, не надо, — отозвался Нил. — Я сам виноват.

— Повелительница так не считает, — веско произнес куратор, заканчивая спор.

Он взмахнул рукой, как фокусник, и на его столе возник хрустальный бокал с красноватой жидкостью.

— Вчера мы долго обсуждали произошедшее с королевой Сиренитти, и я с большим трудом уговорил ее не исключать тебя, Сэв, из академии.

— На основании чего?! — тут же возмутился принц.

— За грубое вмешательство в нуклийскую политику. Твоему отцу уже отправлена официальная жалоба от королевы.

Сэв выругался на родном языке Золотой империи.

— В качестве наказания, — продолжил куратор, — ты выпьешь это. — Бокал медленно приблизился по воздуху к принцу и замер перед его носом.

Сэв внимательно изучил жидкость на свету, а потом поинтересовался:

— А что это?

— Зелье, ослабляющее потенцию.

— Что-о-о?!

Куратор усмехнулся.

— Это большая честь, Сэврорий. Повелительница сама его готовила. Она считает, — и я с ней согласен, — что освободившееся время ты сможешь уделить другим, более полезным вещам. Например, обдумыванию сложившегося положения. Я бы тебя вдобавок высек, но королева не отнеслась к этой идее с пониманием; телесные наказания ей претят.

Сэв потрясенно смотрел на зелье.

— А... И... Это... То есть... Навсегда?

— Естественно, нет. На месяц.

Адель с Наилой одновременно хихикнули. Сэв посмотрел на них с укоризной.

— На месяц? Целый месяц?!

— Пей или вылетишь из Арлисса напрямиком к отцу во дворец.

Эти слова оказали волшебное действие: Сэв тут же залпом проглотил зелье и скривился так, будто выпил яд. Впрочем, для человека, настолько увлеченного женщинами, пожалуй, так оно и было.

— Мы не закончили. — Куратор лениво пошевелил пальцами, и пустой бокал исчез. — Элвин...

Я выпрямился, а Нил тут же вскочил.

— Мастер, его вины здесь нет! Все дело в том, что...

— Сядь!

Нил рухнул в кресло — наверняка не без помощи магии.

Куратор продолжил:

— Элвин, обнаружив беспорядок в своей гостиной и некое послание кровью, отправился напрямик в лионское посольство, чем еще сильнее усугубил ситуацию. Элвин, что ты должен был сделать?

Я вздохнул. Не первый раз меня в этой комнате отчитывали — правда, раньше это случалось за то, что я сделал. А не за то, чего не сделал.

— Я должен был сообщить тебе, мастер. Мне уже объяснили.

Рэми усмехнулся.

— Не сомневаюсь. Твое наказание — работа в канцелярии принца Средних миров в нуклийском посольстве. Один день, завтра.

— Но завтра же встреча с Повелит... — Я прикусил язык, поймав взгляд Рэми.

— Ой, да ладно, Элвин, всего-то день отработки, — проворчал Сэв. — Мастер! Почему такая несправедливость? Я бы с Элвином с удовольствием поменялся. Он от всех девчонок шархается, а я теперь страдаю.

— Что, уже? — фыркнула Адель.

— Тебе не понять, — отмахнулся Сэв.

— Мастер, — позвал Нил. — Я тоже виноват, разрешено ли мне будет помочь Элвину?

— Про тебя Повелительница ничего не говорила, — ответил куратор. — Лично я считаю, что ты сам

себя уже наказал. Как долго по прогнозам целителей ты не сможешь колдовать?

Нил побледнел.

— Месяц, мастер.

— Считай, из Арлисса ты уже вылетел. Сочувствую. А впрочем, нет, ведь ты сам виноват. Что ж, господа, на этом все, больше я вас не задерживаю. Благодаря сорвавшимся переговорам у вас дополнительная неделя каникул. Это также личное желание Повелительницы: она не хочет, чтобы кто-нибудь забрался в посольство демонов еще раз, только на этот раз в качестве эксперимента или за составляющими для зелий. Ах да, еще вашей группе запрещено посещать вечеринки. Всей группе. «Всей», Сэв, значит, и тебе тоже.

Принц печально вздохнул.

— На этом все, — произнес куратор и хлопнул в ладоши.

Сэв вскочил первым.

— Но, мастер, мы же не обсудили... А как же этот вот? — Он сердито посмотрел на Криденса. Тот равнодушно смотрел в стену прямо перед собой. — Он по-прежнему с нами? Он же нас предал! Голосую за то, чтобы...

Куратор сделал еще один ленивый жест пальцами, и Сэв замолчал.

— Достаточно. Криденс остается. Желание Повелительницы.

— Как-то слишком пристально она следит за нашей группой, — протянула Наила.

— Действительно, с чего бы это? — саркастично произнес куратор и быстро посмотрел на меня. — На этом все.

Нила я до портала перехватить не успел, ко мне пристал Сэв и стал ныть:

— Ну давай поменяемся! Я знаю отличное зелье, которое качественно держит иллюзию чужой внешности, чтобы...

— Вечером на спортивной площадке, — бросил ему я. — Попробуй только не приди.

Мне действительно уже было все равно, принц он или нет. Говорю же, Арлисс меня испортил.

Сэв даже рот от удивления открыл.

— Это что, вызов?

Никаких дуэлей мы, связанные клятвой, устраивать друг с другом не могли. Но хорошенько ударить Сэва во время учебного спарринга я вполне мог. И собирался сегодня же это сделать.

К Нилу я кинулся сразу, как вернулся в общежитие. Отмахнулся от Ори, тут же подлетевшего ко мне со словами «Господин, вы не завтракали», схватил шкапулку с артефактом Шериады и бросился к двери на соседскую половину.

За все время учебы я делал это лишь во второй раз. Нил никогда не приглашал меня к себе, обычно мы встречались в моей гостиной — Ори впускал его без вопросов.

Маг, который не может колдовать, превращается в мишень. А демонолог, к тому же сам демон, становится не просто мишенью: он будет притягивать проклятия, как сироп — мух. Через месяц еще одно Испытание, возможно, благодаря нашей клятве Нила не смогут переманить (хотя я не был уверен, так ли это работает), но убить, чтобы после не мешал, — запросто.

Неудивительно, что на нем сегодня было столько артефактов. Нил никогда их раньше в таком количестве не носил, но теперь наверняка чувствовал, что беззащитен.

Открыл он не сразу, так что я, ожидая, успел вспомнить все известные мне способы справиться с замком, включая отмычку (спасибо Раю, — откуда бы еще я узнал, как это делается).

— Элвин? Что случилось?

— Надо поговорить. — Я поймал взгляд замершего в дверях на мою половину Ори. — Нил, ты завтракал?

Он покачал головой. Артефактов и амулетов на нем было как игрушек на новогоднем дереве!

— Тогда приглашаю. Ори, накроешь на двоих?

— Конечно, господин.

— Только недолго, мне нужно в деканат, — сказал Нил уже в гостиной, не торопясь садиться.

— Зачем? — Обычно я не лез в чужие дела, но деканат? Вся связь с ним осуществлялась через куратора, а мы только что от него. Странно.

Нил мою догадку подтвердил:

— Подавать документы на отчисление. Эл! — тут же спешно перебил он, заметив мое возмущение. — Лучше молчи. Пожалуйста. Я знаю, что делаю, и куратор прав: я сам виноват. — Он замер, когда я открыл перед ним крышку шкатулки Шериады. — Что это?

— Подарок от моей наставницы. Может быть, он поможет?

Нил улыбнулся.

— Эл, чтобы мне помочь, нужно чудо, и не такое, каким нас здесь уч... Бездна!

Я смотрел, как он осторожно коснулся подвески, и его паучьи пальцы сверкнули алым.

— Элвин, откуда у тебя это?

— От наставницы, — повторил я. — Она уверяла, что это поможет демону вроде тебя... ну... с магией. Я проверил: никакого проклятья на нем нет, да и зачем ей?..

Нил смотрел на подвеску так, словно это было то самое чудо, о котором он просил.

— Эл, ты хоть знаешь, что это?

— Я же говорю, артефакт, который...

— Это частица Источника в Лионе. Очень малая, но, боги и демоны, Элвин, эта вещь бесценна! Я не могу ее принять, я не...

Я подтолкнул к нему шкатулку.

— Еще как можешь. Надевай.

— Элвин... — Нил вдруг замолчал. — Кто ты, говоришь, твоя наставница?

Я пожал плечами.

— Кто-то из приближенных Повелительницы. Ле-ди Шериада. А что?

Нил пару мгновений смотрел на подвеску, потом осторожно взял ее в руки.

— Элвин, ты уверен? Ты мог бы очень выгодно ее продать, такая вещь среди демонов ценится, как... Да как твоя ониксовая подвеска в Нуклии.

Я усмехнулся. На мою подвеску облизывалась, кажется, вся академия, включая некоторых преподавателей. Хорошо, что ее нельзя было украсть и даже подарить. На Шериаду это было так похоже — вручить мне нечто очень ценное так, словно это какой-то придорожный камень.

— Нил, разве похоже, что я нуждаюсь в деньгах?

— Но ты говорил, что раньше...

— Вот именно. Раньше. Нил, пожалуйста! Ори уже стол накрыл. Надевай, а? И давай завтракать.

Я еще боялся: а вдруг артефакт не сработает? Вдруг что-то пойдет не так? Вдруг чуда не случится?

Нил осторожно надел подвеску — как и моя, она сама тут же спряталась под воротником его сорочки. А потом — это было волшебным, по-настоящему, как

в сказках пишут, а не как здесь, в Междумирье колдуют; и очень красиво — Нил засиял, словно свет исходил откуда-то изнутри него, как... Как у Повелительницы на испытании, только не так ярко, и не золотой. Красный, как кровь, словно зарево пожара. И гореть долго не стал — полыхнул и исчез.

Нил выдохнул, улыбаясь, как пьяный. А я с удивлением рассматривал его. Он изменился: исчезли нездоровая бледность, синяки под глазами, даже седые волосы превратились вдруг в молочно-белые — пожалуй, даже красивые. И сам Нил был теперь хорош как демон. Яркие черные глаза, острые скулы, молочная кожа. Даже его будто паучьи пальцы больше не пугали: они превратились в узкие и тонкие — такими восхищаются женщины, а писатели называют «музыкальными».

Его голос звучал мягче, совсем не так хрипло, как раньше, когда Нил признался:

— Никогда не чувствовал себя лучше. Элвин, я могу выразить твоей наставнице признательность?

— Я ей передам. — Я с трудом отвел от него взгляд. Да, теперь я верил, что Нил — демон. — Ты сияешь.

Нил огляделся. Заметил спрятанное за портьерой зеркало. Подошел, отодвинул ткань и принялся рассматривать себя.

— Изумительно, — выдохнул он. — Боги, Элвин, спасибо!

— Я ничего не сделал.

Нил усмехнулся.

— Ты и правда не понимаешь.

— Наверное. Ты можешь колдовать?

Нил взглядом опустил ткань обратно.

— Да. И, кажется, мой потенциал слегка увеличился.

Я улыбнулся.

— Ну и прекрасно. Тебе ведь больше не нужно в деканат?

— Похоже, что нет.

— Тогда мы никуда не торопимся. Давай завтракать.

Тем вечером мы вызвали Сэва на дуэль и объяснили ему, что звать нас посмотреть, как он развлекается с демоницей, опасно для его здоровья.

Мягко говоря, Сэв такого не ожидал.

— Элвин, дорогой, мы же не хотим уродовать твоё симпатичное личико, — произнес он и ухмыльнулся, когда я взял со стойки меч. — Давай ты извинишься, и мы расстанемся друзьями, как раньше?

— Я извинюсь?

На нас смотрели. Неподалеку тренировался Хэв, и я уже трижды поймал его взгляд. Фэй, прячась в тени брата, внимательно смотрел и неодобрительно качал головой. Были и другие зеваки — необычно много для позднего вечера. На спортивной площадке есть места для зрителей, трибуны, как на арене, но они всегда пустовали. Сейчас я насчитал на них человек двадцать только бегло, пока шел к Сэву.

Кажется, эта история с демоницей добавила мне популярности. Прекрасно!

— А кто же еще? — отозвался Сэв, тоже поглядывая на зрителей. — Я слышал от Криденса, тебе не впервой с позором проигрывать, и уж прости, но я видел, как ты сражаешься.

Тут из раздевалки наконец появился Нил, и Сэв уставился на него, открыв рот.

Я никогда не видел, как Нил фехтует, и предупредил, что от меня толку будет мало. «Вдвоем мы точно справимся», — заверил Нил. Теперь, глядя, как он, яв-

но рисуясь, крутит меч, держа его за рукоять, я понимал — кажется, он прав.

Сэв, наверное, тоже это понял: он сделал шаг назад и широко улыбнулся.

— Ни-и-ил, дружище! Ты как-то изменился... Господа, какая же это дуэль — втроем?

— Нуклийская, — отозвался Нил. — К тому же, разве о дуэли речь? Мы просто вместе тренируемся. Правда, Элвин?

— Именно. Но если Сэв против, он может извиниться.

— Демонологи! — вздохнул принц. — Да вы же только кинжалы в пентаграмму кидать и можете. Элвин, вон, вообще недавно научился. Не хочу я вас ранить, вот в чем дело.

— Ага, — усмехнулся Нил. И бросился на Сэва. Я просто мог постоять в стороне и посмотреть, потому что толку от меня было немного. Нил прекрасно справлялся. Он гонял Сэва по площадке, и что-то странное творилось с его магией — я видел ее теперь очень хорошо. Алое сияние делалось все ярче и ярче, а всегда спокойный Нил скалился, обнажая не по-человечески острые зубы, и рычал, нападая. Он атаковал все время, а ошеломленный Сэв только отбивался. А потом, минут через десять, и вовсе выкрикнул:

— Все, сдаюсь, довольно!

Я тут же опустил меч, но Нил — нет. Он с рычанием пролетел мимо меня — Сэв еле успел уклониться от его клинка.

Рядом раздалось характерное стрекотание крыльев — Хэв бросился к сражающимся. А рядом со мной возник испуганный Фэй.

— Элвин, останови их!

Нил как будто ничего вокруг не видел. Я отбросил меч — с ним у меня шансов было немного — и попытался спеленать Нила заклинанием. Простенькая сеть — Нил отмахнулся от нее как от комара. На нем уже повис Хэв, но это слабо помогло — Нил отшвырнул альва как котенка.

Не знаю, чем бы все закончилось, не попадись мне на глаза чан с водой на краю площадки. Мы им пользуемся, чтобы освежиться, если в раздевалку идти нет желания. Сейчас я добавил в ведро заклинание, и оно неожиданно у меня получилось. Вода сделалась холодной, практически ледяной. Прекрасное средство остудить пустую голову, говорила Шериада про своего кузена, принца Дамира. Не знаю как насчет пустых голов, но на Ниле сработало, когда я магией перевернул на него весь чан. Нил замер, и я дернул его к себе, мокрого до нитки и дрожащего как осиновый лист.

Сэв, зажимая рукой раненое плечо, пропыхтел:

— Эл, держи своего дружка на цепи!

Нил вздрогнул, а я не выдержал и ударил Сэва под дых, как с самого начала собирался. А когда он согнулся, пытаясь вдохнуть, сказал:

— Мы примем это как извинение.

Против обыкновения, Сэв спорить не стал.

Нил тряся, прижимаясь ко мне, а его магия пульсировала в такт сердцу — очень быстро. Что-то мне это напомнило, но я не стал размышлять, что.

Фэй бросился к Сэву; невозмутимый Хэв отчитывал обоих — и брата, и принца («*ткеткау!*»). Я отвел Нила в раздевалку, и только успел запереть дверь, как Нил сполз на пол и забился в судорогах.

Говорил же — хорошая вещь эти новые широкие пояса. Благодаря такому то зелье, которое гарантированно ставит на ноги после обморока, было при мне.

Нил после приступа был слаб, дрожал и не узнавал меня. Что-то просил на родном языке — я не стал слушать, а силой влил ему в рот лекарство, и он еще минуту потом отбивался, пытаюсь отползти от меня подальше. Потом взгляд стал осмысленным — Нил даже улыбнулся. Жутковато получилось.

— Кажется... я п-перестарался.

— Не то слово. Ты нас с Хэвом чуть не убил.

— Хэв? Ах да, т-тот а-альв. Эл, мне что-то... нехорошо. П-помоги мне... д-дойти...

Не знаю, почему он решил, что мы будем идти; я открыл портал. В моей гостиной Нил снова сполз на пол, свернулся калачиком и затрясся в ознобе.

— Господин, не стоит ли позвать целителей? — по-нуклийски спросил Ори.

— Не надо... целителей... Прошу, — выдохнул Нил. — Сейчас... я встану... Эл, почему тут так темно?

Вместе с Ори мы перенесли его на диван, я принес подушки и одеяло из спальни.

— Не надо целителей, — умолял Нил, кажется, в бреду.

Я все-таки собирался вызвать хотя бы Фэя — если Нил боится арлиссских лекарей (мало ли какие у него могут быть причины), то может, у Фэя есть знакомый целитель, которому можно доверять?

Слава богу, не пришлось. Знакомые целители, как оказалось, были и у меня.

— Элвин, как хорошо, что я тебя застала. — Шериада говорила это, а портал вихрился за ее спиной. Закрывать его принцесса не спешила. — Возьми, пожалуйста, это твои документы для посольства завтра... Ого!

Она наконец закрыла портал, и Ори забрал у нее шкатулку.

— Госпожа, — выдохнул я. — Помоги! Что с ним?

— Привязка. — Принцесса подцепила пальцем подвеску, и Нил протестующе застонал. — А перед этим он много колдовал. Ты не помнишь, с тобой то же самое было, когда мы познакомились.

Смутно, но да, я помнил, как мне было плохо в ту ночь. Шериада действительно тогда, кроме всего прочего, говорила про какую-то привязку.

— Сильные артефакты, — объясняла принцесса, колдуя над Нилом, — особенно взятые из Источника, должны быть настроены на мага. Как будто... эм, привязаны к нему. Во время процесса настройки, то есть привязки, колдовать нельзя.

— Почему ты не сказала? — спросил я и тут же прикусил язык. Она осталась помочь, она подарила этот артефакт, спасший Нила от исключения. Нельзя быть неблагодарным.

Шериада нахмурилась.

— А зачем? Ты ведь даже брать этот артефакт не собирался. Ладно, давай-ка перенесем твоего друга в спальню. Ори, мы с Элвином сами справимся, а ты приготовь, пожалуйста, тоник из «черной вдовы».

— «Вдовы», госпожа? — перебил я. — Но это же яд.

— Для хумар — тоник. Ори, пять капель смело лей: не отравится.

Нил оказался неожиданно тяжелым. Мы с трудом уложили его на кровать, Шериада села рядом, растянулась на нем сорочку, сняла перчатки и принялась что-то тихо напевать. Прошла минута, и Нил расслабился, задышал ровнее. Но принцесса все равно напоила его зловеще черным тоником.

— Элвин, успокойся, с ним все будет хорошо.

— Правда? — выдохнул я.

— Правда. Я не первый раз лечу хумару. А к целителям он, кстати, почему не пошел? С ним плохо обращались?

Я пожал плечами, и Шериада нахмурилась.

— Узнай, когда проснется. И, пожалуйста, с именами. Я разберусь.

— А когда он проснется, госпожа?

— Утром. Поверь, он будет совершенно здоров. Обещаю. Да, диету я сейчас напишу, соблюдайте ее оба, раз такие глупцы. Лишь бы без магии остаться, да? — Шериада покачала головой. И вдруг добавила: — Элвин, я понимаю, тот наш разговор на Острове был... — Она замялась. — Я была резка. Мне жаль. Постарайся больше ни во что не влипнуть.

— Да, госпожа.

Принцесса исписала целый лист своими неразборчивыми закорючками и передала его Ори.

— Следи, чтобы эти двое питались правильно.

— Госпожа, — перебил я. — Ты говорила, что завтра я обязан провести день с Повелителем, но как же отработка в канцелярии принца?

Шериада улыбнулась.

— О! Все нормально, Элвин. Иди и отработывай, Руадан заберет тебя оттуда. Если сможет, конечно. В чем я очень сомневаюсь.

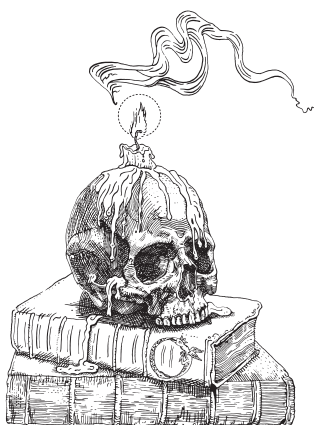
— Что это значит, госпожа?

— Увидишь.

«Похоже, завтра у меня будет интересный день», — подумал я. За окном танцевали светлячки, пели цикады, а я так устал, что мне было все равно, что случится завтра. Если рассказы Ори о принце верны, то Руадан с его высочеством Лэйеном друг друга стоят.

А стоило бы волноваться! Но я не знал тогда принца и ничего не понимал.

Глава 2

Говорят, что ночь темнее всего перед рассветом. В Междумирье это не так: ночь здесь никогда не бывает темной. Луны в этом мире нет, зато тысячи светлячков водят в душном воздухе бесконечный хоровод. И звезды — крупные, яркие, блуждающие. Как и светлячки, они танцуют, и созвездия постоянно меняют рисунок. Это очень красиво, но голова кружится, если долго смотреть.

Перед рассветом ко мне приходили кошмары. Было бы странно, если бы моя учеба не преследовала меня во снах. Чаще всего мне снились демоны. Иногда неясная сверкающая фигура Повелительницы говорила, что я ее разочаровал, и тогда Шериада убивала Тину и маму прямо у меня на глазах.

Магия повиновалась мне только если я был зол или испуган. Для Нуклия и Междумирья это равносильно приговору: как будто ты волшебник лишь наполовину. Мой главный кошмар — беспомощность.

Ни на что не способная кукла с красивым лицом — так ли сильно я изменился, месяц проучившись в Арлиссе? Днем мне казалось, что да. Днем я зарывался в книги с заклинаниями и изнурял себя тренировками. Днем я видел магию в других и чувствовал ее в себе.

Ночью я снова был беспомощен. На то, чтобы разозлиться, нужно время. Даже испуг не приходит мгновенно — волшебству нужно не просто легкое волнение, а паника, ужас. Магию сложно контролировать. Она ненадежна.

Мои кошмары легко могли стать реальностью. Но самое страшное и одновременно смешное — я знал, как спастись, знал, как обрести контроль над силой. Нужно всего-то с кем-то переспать и получить от этого удовольствие.

Шериада права: голодный маг колдует плохо. Еды у меня теперь было вдосталь. Однако я тогда не понимал, что секс для волшебника — почти как сытный обед, и в этом смысле я голодал. Все, что было нужно — найти кого-нибудь, кто будет не против провести со мной ночь. И тут принцесса была права: таких всегда было много. Кому-то нравилась моя красота, кто-то был не против заручиться поддержкой демонолога, кто-то просто желал утолить любопытство.

Я мог подарить наслаждение но сам его не получал никогда. Меня до дрожи пугало любое женское прикосновение, а заинтересованный взгляд легко мог довести до паники. Я ведь очень хорошо знал, что последует дальше, — унижение и беспомощность. Я боялся этого больше, чем собственных кошмаров.

Глупость, правда? Настоящий маг справился бы с этим в два счета. Как Шериада на приеме после выставки Тины — подошла, сказала пару слов, увела за собой, провела ночь и ушла.

Для меня все иначе. Порой я вижу во сне хозяек, Шериаду, а после — Адель. Все они использовали меня.

Говорят, что бывает иначе, и я верил. Бывает. С друзьями, но не со мной.

Со мной, думал я, всегда так.

Перед самым рассветом я был беспомощен: в объятиях госпожи я наблюдал, как умирает Тина. Или Рай. Мама. Много смертей, много крови. Демоны хохотали и плясали вокруг. Мои личные демоны.

Той ночью было еще хуже: Тина умирала в спальне моей первой хозяйки. Я чувствовал себя куклой. И видел кровь на полу, в изножье кровати. Так много крови. Тина захлебывалась ею и никак не могла умереть.

Когда Ори разбудил меня в четыре утра, — очень рано даже для Арлисса, — я готов был расцеловать его за то, что прекратил этот ужас.

— Господин, пожалуйста, поторопитесь, — шептал Ори, помогая мне встать. — Вас ждут в канцелярии нуклийского посольства через час. Пожалуйста, господин.

— Где? — Тоник еще не подействовал, и я плохо соображал.

— В канцелярии принца, господин. Помните? Вам назначена отработка...

— Э-э-элвин, еще так рано, куда ты? — пробормотал Нил с кровати, поворачиваясь на другой бок.

Канцелярия. Отработка.

Повелитель.

Волшебник не показывает свои страхи даже друзьям и близким. А мне хорошо удавалось делать вид, что все в порядке.

Я слез с дивана и пригляделся к Нилу. Выглядел он вполне здоровым — не бледный, не осунувшийся, ни-

каких синяков под глазами. Магия уже не бушевала в нем, теперь она струилась, как кровь по венам и артериям. Это было красиво — спокойное течение магии всегда приятно глазу.

Во мне магия походила на ураган, который, говорят, бывает в пустыне. Тогда я не видел ни то ни другое, но у меня живое воображение: для другого волшебника моя магия напоминала всполохи. Нет-нет, и вдруг — «бух!» Ярко, ослепляет! И снова ничего.

Впрочем, все маги видят это по-разному, так что я, возможно, и ошибаюсь. Но мне самому смотреть на себя было неприятно. Впрочем, как и всегда.

— Господин? — шепнул Ори.

— Да. Иду. Пожалуйста, приготовь мне одежду. Что надевают в канцелярию? Ты сказал, она в нуклийском посольстве?

— Черное, господин, конечно, черное, и полудрагоценные камни, — говорил Ори, помогая мне одеться. Я зевал и даже после купальни никак не мог прийти в себя. А вот у Ори сна не было ни в одном глазу. Может, он все-таки волшебник? — Агат подойдет, жемчуг... Нет, слишком вычурно. Опал, яшма, турмалин. Но... Нет, пожалуй, не стоит...

Ори остановился на черном нефрите. Обработанные камни казались приятно гладкими и матовыми, а редкие украшения из опала — тоже черного, с разноцветными искрами внутри — смотрелись богато и со вкусом. Я кивнул в ответ на вопрос Ори «Господин, все ли вам нравится?». Следовало оценить его усилия более красноречиво, но, признаться, я был просто не в состоянии придумывать длинную похвальную речь. Хоть мой камердинер того и стоил.

Он заколол мои волосы ониксовыми шпильками — миниатюрные кинжалы, которыми тоже можно защи-

щаться — например, метнуть во врага. У Шериады, помнится, заколки смазаны ядом. Ори и мне это предлагал, но я отказался. Во-первых, с меня станется самому стать их жертвой. Во-вторых, я не собирался ни в кого их метать: кинжалы мне нужны для заклинаний. Ритуальный нож — главный инструмент демонолога, но если под рукой его нет, сгодится все, чем можно порезать запястье. Нил умел отращивать когти и управлялся ими. Но он — демон, а я... Я украшал волосы кинжалами. Забавно, скажи мне кто еще месяц назад что-то подобное, я бы пальцем у виска покрутил. А теперь — вот.

На шпильках пришлось и остановиться: в посольство запрещалось проходить с оружием. Кинжал я собирался оставить дома. Странно, что не запрещено брать с собой артефакты, ведь они бывают куда опаснее клинков. Впрочем, ничего опасного я не носил: лишь университетский браслет, клипсу-змею и подвеску Шериады. В широкий пояс-корсет спрятались зелья: одно укрепляющее, одно тонизирующее и одно — универсальные чернила для схем. Если в последние добавить каплю моей крови, можно призвать даже высшего демона.

Надеюсь, меня не заставят это делать.

От завтрака я отказался. Да, я маг, но в четыре утра в меня даже любимые ветчинные рулетики не лезли. Ори как-то исхитрился вручить мне «на дорожку» кружку с «утренним напитком»; уж не знаю, что он туда добавил. Кажется, творог, яйцо и помидоры, а также какие-то травы вроде шафрана (да, в Междумирье достать его несложно, в отличие от Острова). Я взял, иначе с Ори стало бы бежать вслед за мной с этой кружкой и уговаривать выпить. Настоящий шантаж, но такой уж у меня камердинер!

Камердинер. У меня. Мне до сих пор сложно было к этому привыкнуть.

Да, Ори пришлось бы именно бежать: портала в нуклийское посольство на университетском браслете не было. Я проверил по карте: посольство находилось неподалеку от главного здания академии, но браслет мог отправить меня разве что в деканат. Рисковать я не стал. Тем более, предполагалось, что утренняя прогулка на относительно прохладном воздухе (в Междумирье прохлада только снится) меня взбодрит.

Взбодрили меня, скорее, попытки отправить пустую кружку обратно порталом и не отправиться вслед за ней самому. Магия снова отказывалась слушаться. Так что сладить с несчастным порталом (любой нуклийский маг умеет это с рождения) я смог лишь с десятой попытки.

Каким же беспомощным я тогда себя чувствовал!

Если лионское посольство напоминало высокую башню — как можно меньше украшений, как можно больше свободы, — то нуклийское строили с размахом. Маги Нуклия любят сорить деньгами; тем, кто магией подобен богам, наверное, пристало любить роскошь. Посольство занимало целый дворец. Белоснежный, украшенный стеклом и алмазами (не знаю, что в Нуклии ценится дороже — их стекло, гордость всего мира, или все-таки самоцветы?), этот дворец как будто парил над арлисскими садами, окутанный ароматом роз, как свежая, юная дебютантка на балу — благоуханием дорогих духов. Мраморная статуя Повелительницы возвышалась слева от входа, — для таких, как я, ее даже подписали. Я попытался рассмотреть наконец королеву, но как и на Испытании, не увидел почти ничего: теперь глаза слепил яркий солнечный свет. Скульптор изобразил королеву в роскошном черном

платье, украшенном алмазами. Платье было из черного мрамора, алмазы — настоящими. Вот и все, что нужно знать о Нуклии — они украшают статуи своих правителей алмазами. Правителей, которых в любой момент могут убить — в поединке или просто так.

Повелительница, наверное, так же тщеславна, как и ее подданные.

В лионском посольстве было пусто: лишь одна хумара встретила меня на входе. Дальше в коридоре никого не было.

Нуклийское же посольство охраняли гвардейцы в черных мундирах. Несчастные, они страдали, наверное, на солнце ужасно, но, как и королевская стража на Острове, не жаловались. Я бы принял их за статуи, но быстро заметил, что они не перестают за мной следить. Любопытно, означает ли цвет их формы то, что они владеют магией? Разумно было бы поставить на страже волшебников, но никакой магии я сейчас не чувствовал.

Я замер перед распахнутыми дверями, глядя на них. Казалось, только я перешагну порог, и гвардейцы проткнули меня копьями. Объяснить им, что меня ждут? Шериада вчера принесла документы, они были у меня с собой в той же шкатулке. Но вряд ли предполагалось, что я отдам их стражникам.

Я уже почти приготовился испытать судьбу, когда по лестнице к дверям взбежал юноша в синем балахоне по моде Золотой империи. Он точно был человеком и поклонился мне, как высшему.

— Мастер Элвин. — Его голос звучал мягко, с еле заметным певучим акцентом. У Сэва прорывался такой же, когда он злился. — Мы давно тебя ждем.

— Давно? — растерянно выдохнул я. Мне-то казалось, у меня еще полно времени. Я намеренно вышел раньше.

Юноша ничего не ответил. Он сделал знак идти за ним — не в парадные двери, за которыми царили сумрак и приятная прохлада, а во вход для прислуги, полагаю. Нам пришлось обогнуть здание — и я чуть нос к носу не столкнулся с еще одним волшебником. Его сложно было не узнать, ведь это был лорд Ворон... простите, Виета, отец Криденса. Он окинул меня раздраженным взглядом. Мой проводник снова поклонился и отступил, пропуская высокого лорда.

Быть может, у них это семейное, но лорд Ворон неотрывно смотрел на меня, и ничего хорошего он при этом не думал, клянусь. Прочитать взгляд его сына было сложно. А вот отца — проще некуда. В нем светился тот самый огонек, что и у моих бывших господ. Этот волшебник хотел меня использовать.

Я невольно схватился за подвеску. Если высокий лорд решит поставить на меня печать прямо здесь — артефакт Шериады мне поможет?

Но высокий лорд просто усмехнулся, отвел взгляд и прошел мимо.

Я выдохнул.

— Идем, мастер Элвин, — как ни в чем не бывало позвал меня юноша-проводник.

Точно, черный ход: длинный коридор змеился и поворачивал, порой под неожиданным углом, пару раз утыкался в винтовую лестницу, пока не уперся наконец в стену.

Моего проводника это не смутило. Он коснулся стены ладонью, и потайная дверца приоткрылась.

— Прошу, мастер, тебя ждут, — повторил юноша, посторонившись.

Я привычно сложил пальцы в жесте простейшей атаки. Дверь для прислуги, темнота, тайный ход — не так я представлял себе отработку в посольстве.

Дверца вела в темный коридор, длинный и узкий, как склеп. Он так меня испугал, что я даже с первого раза наколдовал себе свет... Который погас метров через сто. Я бы подумал, что дело в моей магии, но чувство было совершенно другим. Как и тогда, с демоницей, я вдруг ощутил себя... пустым. Это было словно голод, но иного рода. Как будто я больше не целый. Как будто меня располовинили, и важную часть, которую я раньше не чувствовал, но она составляла мою суть, забрали.

Позже я узнал, что так чувствуют себя все маги в присутствии принца Лэйена. У старшего брата королевы Сиренитти есть необычная для Средних миров способность лишать волшебников магии, превращая их в обычных людей. Всех, независимо от потенциала или специализации. Правда, это действует только когда принц поблизости, а потом магия возвращается. Однако на демонов эта способность не распространяется, как и на королеву Сиренитти.

Это заставляет волшебников ненавидеть Его Высочество еще сильнее; чувство действительно неприятное, даже если забыть про культ силы в Нуклии, ведь лишенный магии волшебник становится слабым, а значит, теряет статус.

Тогда я не понимал, в чем дело, и испугался настолько, что не помню, как дошел до следующей двери — просто ударился о стену, а та вдруг отъехала в сторону, и я попал в ярко освещенную комнату.

Два голоса спорили на высоком нуклийском. Благодаря учителю Байену и его домашним заданиям я сносно понимал высокий нуклийский на письме, но на слух — лишь обрывки фраз. Это не просто другой диалект, он звучит как другой язык — другая фонетика, другая грамматика и, конечно, другая стилистика.

Слова те же, но будто теряют смысл. Так что содержание беседы от меня ускользнуло.

В кабинете было очень светло — оба солнца заглядывали в громадные окна, занимавшие всю стену. После темноты коридора у меня слезились глаза, и ни говоривших, ни обстановку я как следует не рассмотрел. Только стол из черного дерева: он занимал полкомнаты, его сложно было не заметить. Ах да, еще книжные шкафы — в один я чуть не влетел, когда стена за моей спиной вернулась на место.

И ковер — пушистый, с геометрическим рисунком. Его зеленые линии расплывались у меня перед глазами, а желтые треугольники волшебным образом сверкнули, когда я вывалился из потайного хода.

Меня заметили, и высокий нуклийский стих. Потом один голос что-то спросил у второго. Второй ответил уже на разговорном:

— Это демонолог, которого прислала королева. Элвин, ты в порядке?

Я поднял голову и встретился взглядом с лекарем Шериады — тем самым, которого она звала во время первого приступа. Маска спокойствия, безмятежный голос и глаза, в прошлый раз показавшиеся мне змеиными — не как у демоницы: никаких вертикальных зрачков, но выражение, взгляд... Таким глазам нельзя верить, думал я тогда. Сейчас Нуал смотрел с сочувствием, и оно казалось искренним. Я невольно улыбнулся.

Он помог мне подняться и провел к креслу, такому же, как в нашей учебной комнате, — с высокой спинкой и подлокотниками. Оно словно обнимает тебя, и в нем можно с легкостью заснуть, и мы периодически пользовались этим на занятиях.

Второго я тоже узнал, хотя видел лишь раз — у демоницы, леди Вэйны. Смуглый юноша, похожий на

Шериаду; тогда он появился как раз перед тем, как я потерял сознание. Тот же пронзительный взгляд, то же высокомерие. А еще гордость — в осанке и даже в движениях. Странно, ведь я мог поклясться, что он — обычный человек, не волшебник. Для Нуклия, как я думал тогда, это приговор.

— Демонолог? — Его голос звучал низко, в нем сквозило презрение пополам с интересом. — Что ж, прекрасно. Раз сестра опаздывает, то он и вызовет нам лионского канцлера.

Я молча уставился на него. У Лиона есть канцлер? Да что там, я крайне смутно помнил из книг даже что означает этот титул.

Нуал покачал головой.

— Лэйен, не стоит. Это неразумно и жестоко: он проучился всего месяц, и Сиренитти лечила его после встречи с Вэйной. Его магия наверняка еще не восстановилась.

— Жестоко? — Лэйен внимательно смотрел на меня, и от его взгляда у меня поползли мурашки. Так смотрят, когда хотят сделать больно. Я хорошо знал этот взгляд. — Это ведь ты пытался развоплотить лионского посла? Вот ты и вызовешь нам лионского канцлера, это будет хорошей провокацией для демонов. Нуал, Лион еще не просил его выдать?

— Нет, потому что Сиренитти...

Лэйен отмахнулся. И снова пронзил меня взглядом.

— Чего же ты ждешь, демонолог? Канцлер Лиона. Призывай.

Я заставил себя посмотреть ему в глаза. Это не должно быть сложнее, чем смотреть на высшего демона, тем более на Повелителя.

Однако это было и сложнее и страшнее. Демоны испытывают любопытство или голод и потому напа-

дают. Но люди причиняют боль просто так, потому что могут. Этот Лэйен с удовольствием наслаждался бы моим унижением — и тогда я решил, что, похоже, так и будет.

— Господин, прошу...

— Господин? — Лэйен поднял брови и посмотрел на меня презрительно, словно я — грязь. — Ты не знаешь, как ко мне обращаться, мальчишка?

— Вряд ли он вообще о тебе знает, ты же помнишь, как твоя сестра разговорчива, — вмешался Нуал. Он вымученно мне улыбнулся. — Элвин, позволь представить старшего брата королевы Сиренитти, принца Средних миров, Лэйена.

Еще мгновение я просто смотрел на него, потом сообразил, что это невежливо, и с трудом поднялся из кресла. Кланяться было легко. Он же принц.

Что ж, это объясняло его высокомерие. Единственный простой человек, не маг в нуклийском правительстве.

Это также объясняло желание сделать мне больно, но эту часть королевской истории я еще не знал.

— Элвин, — повторил принц, сделав мне знак выпрямиться. — Это был не нуклийский поклон. Ты из Средних миров?

— Да, Ваше Высочество.

— *Твое* Высочество, — поправил он, кажется, машинально. И нахмурился. — Постой, ты же... тот диалог, о котором рассказывала Шериада? Это тебя она нашла в мире своей матери? Она восхищалась твоими талантами.

— Наверное, *Твое* Высочество, — ответил я и нервно улыбнулся. — Госпожа слишком добра. Я... Я не умею призывать высших демонов. Простите... Прости.

Измумительно, но взгляд принца смягчился. Я думал, он прикажет пытать меня прямо здесь. Это было бы по-нуклийски — проявить силу. Что ему рассказала Шериада? Наверное, что-то хорошее, потому что принц больше не желал моих мучений, это было очевидно. Теперь он смотрел с любопытством, даже с сочувствием.

Однако он спросил:

— Ты собирался развоплотить лионского посла. Я сам видел. Как ты можешь владеть настолько сильной боевой магией и не уметь призывать демонов?

— Высших демонов, гос... Твое Высочество. Я умею призывать низших... Иногда. Часто. — Принц усмехнулся, и я почувствовал, что краснею. — У госпожи посла я испугался, гос... Твое Высочество. Я сам не осознавал, что делаю.

Лэйен смотрел на меня некоторое время, затем снова усмехнулся.

— Прямо как моя сестра. Она тоже сначала делает, потом думает. Если вообще думает... Скажи, Шериада — хорошая наставница?

Я вздрогнул, удивленный сменой темы. Почему его интересует Шериада? Кто она для него? Друг? Родственник? Когда он называл ее имя, оно звучало очень тепло, даже нежно.

Облокотившись на стол, Нуал следил за нами, спокойно улыбаясь — кажется, это была часть другой его сущности. Я не мог понять, искренняя эта улыбка или фальшивая. Думаю, даже сам Нуал этого не знал.

— Да, Твое Высочество. Хорошая.

— А теперь правду.

Я вздрогнул. Лицо принца в этот момент очень напомнило... «Ты не хочешь мне лгать, Элвин». Нет, конечно, это только мое воображение. Сходство принца

и Шериады объяснялось легко: скорее всего, они из одного мира. Возможно, даже родственники — например, двоюродные. Это объясняло бы богатство Шериады и ее властность.

— Я не знаю, Твое Высочество, я почти не вижу госпожу.

Лэйен продолжал пытливо смотреть на меня и снова сменил тему.

— Что ж, высшего демона ты призвать не можешь. А если с артефактом?

Артефакт призыва работал как портал и моя клипса-змея одновременно. Он существенно облегчал работу демонолога, разве что его требовалось «разбудить». Или, как говорил учитель Байен, «активировать».

— Только в теории, Твое Высочество. Я читал об этом, но ни разу не пробовал. — За месяц учебы мы и низших-то демонов прошли только в общем, не вдаваясь в частности. Что уж говорить о высших!

— Значит, попрактикуешься, — решил принц. — Нуал, выдай ему артефакт и проследи, чтобы он не взорвал посольство.

С этими словами принц развернулся, чуть не хлестнув меня полой своего длинного серебристого кафтана, и вышел из кабинета.

Чувство пустоты ушло вместе с ним. Ахнув от неожиданности, я огляделся, не понимая, что стало причиной. Но чувствовал: магия возвращается.

Нуал с сочувствием смотрел на меня.

— Все в порядке?

— Да, господин... Милорд...

— Я давно уже не милорд и даже не мастер, ты можешь звать меня по имени, — он снова улыбнулся. — Что-то мне подсказывает, что скоро мы будем видеться часто. А пока... Лэйен вернется нескоро, так что если

у тебя есть вопросы, самое время их задать. Королева у нас неразговорчива, вряд ли она хоть что-то тебе объяснила. Я прав?

— Но, господин... Нуал... Я не разговаривал с королевой. Я даже видел ее только издалека.

Пару мгновений он удивленно смотрел на меня, потом усмехнулся.

— Издалека. Ну разумеется.

— Господин?

— Прошу, зови меня по имени.

Я сделал над собой усилие — отказаться от вежливого обращения, хотя бы от «мастера», было сложно.

— Нуал, мне следует подготовить схему для вызова хотя бы мысленно.

— У нас полно времени, успеем даже позавтракать. Ты наверняка не...

— Господин, — перебил я. — Нуал, боюсь, схема займет много времени. Я не очень хорошо колдую. — Правдой было бы сказать, что я совсем плохо колдую, но в Арлиссе такими признаниями не разбрасываются.

Нуал пожал плечами и выпрямился.

— Как хочешь.

Он надолго зарылся в шкатулки на дальнем стеллаже. Их было с десятков, все с драгоценной отделкой. Золото, рубины, алмазы, сапфиры... Они красиво сияли на солнце, как волшебные огни.

— Давно мы вызовщиком не пользовались, даже не представляю, куда она его могла положить, — бормотал лекарь Шериады. — Обычно вызовом занимается королева, а ей достаточно щелкнуть пальцем и повысить голос на помощника канцлера.

— У демонов есть канцлер? Господин... Нуал. Простите, я не знал.

Он обернулся и пояснил:

— Нет, в Лионе нет канцлера, просто Лэйену удобно так его называть. Элвин, я помогу тебе со схемой, не волнуйся. Я теормаг, так что...

— Я думал, ты целитель, — вырвалось у меня.

— Целитель? Нет, это королева... — он запнулся, снова посмотрел на меня. И тихо рассмеялся. — Ясно. Да, я понимаю, почему ты так решил. Нет, Элвин, я не целитель. Я присматриваю за Шериадой; она не слишком доверчива, как ты мог заметить, а во время приступов еще и беззащитна. Наверное, мне не стоит удивляться, что ты не убил ее тогда.

На солнце блеснул медальон — золото с рубином — на простой цепочке с крупными звеньями. Потускневший металл и мутные камни говорили о том, что его давно не носили.

Нуал отдал его мне, и ониксовая подвеска принцессы ярко сверкнула синим под воротником моей сорочки.

— Тебе лучше ее снять: будет фонить, может сбить заклинание, — заметил Нуал.

Я невольно положил руку на подвеску.

— Не думаю, господин.

Нуал понимающе улыбнулся.

— Как хочешь. Что делать знаешь?

Следовало надеть медальон и начертить собственной кровью схему призыва. Всего-то, правда? Я достал ритуальный кинжал и занес его, чтобы сделать глубокий разрез на своей руке.

— Ну что ты, кровью необязательно, — прервал меня Нуал и вытащил из шкатулки флакон с чернилами. — Уколи палец, капни в чернила. Крови достаточно всего каплю. Во флаконе заготовка с кровью королевы для таких случаев. Если тратить свою кровь на всю схему, магия высушит тебя очень быстро. К тому

же, без крови Повелительницы схема при Лэйене просто не сработает.

— Благодарю, господин. Я не знал.

— Ты еще неопытный маг, Элвин. — Нуал передал мне флакон. — Это нормально. Но ты очень много добился за какой-то месяц. Ты действительно очень силен. Неудивительно, что Шериада так тебя ценит.

— А она ценит? — вырвалось у меня.

Нуал усмехнулся.

— У нее плохо получается это показывать, но поверь, раз ты здесь, а не в Лионе — ценит, и еще как. Давай-ка скатаем ковер. И не удивляйся, под ним у нас... эм... беспорядок. Королева тут давно не убиралась.

Беспорядок? На полу живого места не было! Неудивительно, что это безобразие прикрывали роскошным ковром. Нуал принес откуда-то ведро с водой и ползал теперь вместе со мной, щеткой пытаюсь стереть старые схемы. Получалось плохо. Увы, пентаграммы не терпят чистку бытовой магией, а то было бы легче. Учитель Байен, помнится, красочно объяснил, что будет, если заклинания наложатся одно на другое.

Сам я бы не справился. Нуал оказался прекрасным учителем: он не заставлял меня нервничать, поправлял мягко, без угроз и оскорблений. Неудивительно, что у меня все получилось, хотя схема была очень сложной. Сбился я лишь раз, когда чувство пустоты вернулось.

Принц Лэйен зашел в кабинет с кипой бумаг в руках, положил их на стол, посмотрел на недорисованную схему и хмыкнул:

— Вы еще не закончили?

— Нет, Лэй, сходи еще погуляй, — бросил Нуал принцу.

Принцу! Он говорил так с принцем! Да кто же он такой?

И Лэйен его не одернул. Вместо этого он с улыбкой посмотрел на меня — и я чуть не поставил вторую кляксу. Клянусь, я уже видел эту улыбку прежде. Шериада — она так улыбается.

— Принести вам кофе?

— Элвин, ты любишь кофе?

Я опешил. Боже мой, настоящий принц — да не просто страны, как на моем Острове, а буквально Средних миров — предлагает принести кофе?

— Элвин?

— Д-да...

— И завтрак еще захвати, Лэй, — бросил через плечо Нуал. Он щеткой тер мои кляксы. — Через четверть часа возвращайся, мы закончим.

Принц снова хмыкнул, но действительно ушел. И никаких «как ты смеешь говорить непочтительно?!», никаких угроз, не... Да он мог бы позвать гвардейцев! На Острове меня уже бросили бы в темницу за такую дерзость!

— Элвин, расслабься. Это всего лишь схема.

— Да я... — Магия вернулась, и я невольно схватился за грудь. Слава богу, эта рука у меня была чистой, иначе заляпал бы краской и кровью сорочку.

— А-а-а, — протянул Нуал. — Чувствуешь, да? Ничего, к этому можно привыкнуть.

— К чему, гос... эм...

— В его присутствии тебе кажется, что магия исчезает. Это не так, то есть не навсегда. Лэйен не может колдовать, в этом он совершенно обычен. Но в его присутствии колдовать не может никто. Он лишает ма-

гии всех волшебников, кроме Повелительницы. К сожалению, это касается только людей, демоны при нем колдуют как хотят.

Я снова взялся за кисть. Наверное, стоило ожидать чего-то подобного от брата самой королевы. Не может же он быть совершенно обычным человеком, правда?

— Что, и все? Элвин, у тебя нет вопросов?

— Вопросов, господин?

— Даже для Нуклия способность Лэйена — нечто странное. Ты не удивлен?

Я улыбнулся.

— Это не самое удивительное, что случилось со мной за последнее время.

— Представляю, — произнес Нуал и усмехнулся. — Дотяни здесь линию чуть левее, или у тебя юг «поплывет». Да, вот так.

— Господин, могу я все же спросить?

— Ну конечно, — рассмеялся Нуал.

Я посмотрел на него и вдруг с удивлением понял, что он мне нравится. Его маска, его фальшь, которую он словно сам не замечает, его змеиный взгляд, — странным образом все это было мне по душе. Может быть, потому что Нуал не делал ровным счетом ничего, чтобы располагать к себе? Человек, который так запросто изображает спокойствие при самом принце Средних миров наверняка может легко втереться в доверие, если захочет.

Странно, но Нуал как будто совершенно этого не хотел. Его искренность мешалась с фальшью так же причудливо, как краски Тины на холсте.

— Господин... Нуал, кто вы... ты такой?

Он поднял брови.

— Новейшую историю Нуклия ты еще не проходил?

— Нет, господин. А ты там есть?

— Там есть мой отец, — Нуал помрачнел.

Тот самый, которого убила Шериада, и после этого она все равно доверяет Нуалу. Интересная, должно быть, история.

— Господин, я не имел в виду твой титул или род. Прости, я думал, что ты — лекарь, но ты сказал, я ошибся. Кто же ты тогда?

Он улыбнулся, как мне показалось, с облегчением.

— Ах, это! Всего лишь королевский советник.

— Ох! — Звучало серьезно даже для Острова. Наверное, Нуал — герцог или по меньшей мере граф. Глава какого-нибудь старого дома, вроде Виеты.

Почему же тогда он не «мастер»?

— И поскольку королева редко появляется в Нуклии, а управлять им нужно, мои советы слушает ее брат. Тяни линию вперед... И-и... Готово!

Пустота вернулась, когда принц снова вошел к нам. Он принес поднос с тремя чашками кофе, поставил его на стол подальше от документов и, поймав взгляд Нуала, сказал:

— Завтрак подождет. Демоны прислали сообщение, — он помахал свитком, от которого разлило гнилью.

Нуал вздохнул и подвинул мне кофе.

— Угощайся.

Потом принц с советником снова что-то обсуждали на высоком нуклийском. Я пил кофе и пытался незаметно оттереть пятно чернил на левом запястье.

Я только что начертил невероятно сложную схему, и если что-то пойдет не так, мне несдобровать.

К сожалению, все пошло так. Медальон на моей груди сверкнул, и в схеме возник высший демон в человеческом обликии. Это произошло так внезапно, что

я уронил чашку на пол — повезло, что уже пустую. Нуал, вставший рядом, невозмутимо ее поднял.

А демон смотрел на меня и скалился — клыки у него были как у вампиров в мистических триллерах, — я встречал такие рисунки. Жуть! Карикатурного вампира демон и напоминал — высокий, бледный, узкое красивое лицо, отсвечивающие алым глаза.

Он продолжал смотреть на меня даже когда к нему обратился принц. И продолжал смотреть все время — некуда было деться от его взгляда. Ровно так же на меня смотрели владельцы дома спутников на Острове, когда брали на работу и составляли анкету для каталога. «Сколько ты стоишь?»

Принц говорил на лионском, и от звука его голоса меня пробирало. Снова напрашивалось сравнение с Шериадой, но нет — голос принцессы пел, лился изысканной неземной музыкой. Голос Лэйена не был волшебным. Но звучным — да. Низким, холодным, высокомерным — тоже да. От него меня бросило в дрожь — я бы сто раз подумал, прежде чем перечить его обладателю.

Демон и не перечил. Он просто смотрел на меня. Не знаю, слушал ли, но не перебивал. Лишь раз он посмотрел на Нуала, и тогда губы демона искривила ухмылка. Нуал же спокойно улыбался, облокотившись о спинку моего кресла. От советника так и веяло расслабленным покоем, словно он был не на переговорах, а на пикнике с другом. Если бы не он, я бы вряд ли выдержал взгляд демона: он пробирал буквально до костей. А я-то думал, после Криденса мне уже ничего не страшно!

Наконец принц замолчал, и в кабинете зазвенела тишина. Длилась она, впрочем, недолго: демон улыбнулся, показав острые клыки (как только они в его

пасти уместились?) и ответил на разговорном нуклийском:

— Мы согласны на мир, человек. Лион милостив: у нас лишь одно условие. — Он указал на меня когтитыстым пальцем. — Отдай нам виновника этого, как ты выразился, недоразумения. Отдай нам демонолога.

Нуал наклонился ко мне и шепнул:

— Не бойся. Это провокация, не более. Демоны всегда начинают переговоры с провокаций.

Да, а для кого-то это вопрос жизни и смерти. Переезд в Лион для любого мага означает смерть. Учитель Байен не скупясь на выражения рассказывал, как даже воздух Лиона убивает волшебников.

Я посмотрел на принца. Тот задумчиво побарабанил пальцами по столешнице.

— Если уж мы говорим о виновниках, то Нуклий считает таковой леди Вэйну. Именно ее посольство закончилось скандалом. Она спровоцировала наших волшебников. Она виновата, и Нуклий ждет извинений, а также возмещения морального ущерба — как нашего, так и, как ты выразился, демонолога. Между прочим, его зовут Элвин.

«Не надо извинений, просто оставьте меня в покое!» — чуть не закричал я, но Нуал положил руку мне на плечо.

— Это надолго, — сказал он. — Ты завтракал?

Я покачал головой.

— Тогда идем к столу. Ну же, Элвин, ты должен показать, что не боишься. Демон в схеме и правда не опасен. Давай, вставай.

Не опасен? А если я что-то напутал с линиями? Капнул где-нибудь слишком много чернил, поставил кляксу?

Под взглядом демона мне было бы не до еды, но Нуал оказался настойчив. Он вытащил меня из кресла, заставил повернуться к лионцу спиной и отвел к окну, за которым во всей своей красоте раскинулся сад альвийских роз. Оттуда шел умопомрачительный сладкий аромат. Здесь же можно было разглядеть и парадный вход в посольство, но, увы, не статую Повелительницы: солнечные лучи обливали ее, словно специально подражая магии.

Нуал сел прямо на широкий подоконник и кивнул мне.

— Подушку?

Я замешкался с ответом, и он взял подушку прямо из воздуха. На чехле красовался вышитый дракон с сиреневым бантом, который подозрительно пах фиалками.

— Как ты относишься к кухне Нуклия?

— Господин, уместно ли сейчас... — Я оглянулся было на принца и демона, но Нуал шелкнул пальцами, и прямо мне на колени приземлилась тарелка с рисовым пудингом.

— Поверь мне, да. Лэй позже позавтракает. К тому же, ест он мало, не то что мы, маги, да?

— Но, господин, переговоры...

Нуал наклонился и шепнул:

— Никто не собирается тебя отдавать, ты нужен королеве. Ешь. Тебе этого демона еще изгонять. А потом повторно вызывать, когда Лэйен решит, что делать.

Мог и не понижать голос, ведь у демонов отличный слух.

— Королева не будет начинать войну ради меня, — тихо произнес я, уже представляя, как принц сейчас толкнет меня к демону в схему, и этим все закончится. Разве это не было бы логичным и, главное, очень бы-

стрым решением? Аристократы на Острове уже давно его приняли бы.

Нуал усмехнулся.

— Плохо ты знаешь Сиренитти. И ее брата. Эти двое не отдадут Лиону даже свой ночной горшок, не то что сильного демонолога. Ты ценен, Элвин. Странно, что ты до сих пор это не понял.

«Неужели он не видит, что происходит с моей магией? — думал я. — Неужели не понимает, что это значит?»

Но от завтрака исходил умопомрачительный аромат, а я все-таки волшебник. Я голоден всегда. К тому моменту, как принц, судя по всему, исчерпал аргументы и устал слышать один и тот же ответ — «Лион хочет этого демонолога» — мы уже разобрались с рисовым пудингом, крылом химеры, ветчинными рулетиками и забавным синим от плесени сыром.

Демона, слава богу, изгонять не пришлось. Он сам исчез, сказав, что будет ждать ответа Нуклия не дольше двух часов и надеется, что принц одумается. «Это же всего лишь мальчишка, Твое Высочество, — с усмешкой сказал он Лэйену. — Даже для человека очень глупо по начинать из-за такой малости войну».

Я был с ним согласен, а вот принц почему-то нет. Судя по тону, он выругался, а потом, когда схема потухла, еще какое-то время с усмешкой смотрел на нее. Затем постелил ковер (сам!). И повернулся к нам, чуть не смеясь.

— Маги. Вечный голод и никакого уважения к политике, да, Нуал?

— Присоединяйся. — Советник взял из воздуха третью тарелку.

Лэйен покачал головой. Я ждал гневной отповеди, потому что это же смешно, разве нет? Пока принц

ищет возможность избежать войны, его советник спокойно завтракает не выходя из кабинета.

Но Лэйен уселся за стол, взял у Нуала тарелку, попробовал крыло химеры и отдал должное повару. Согласен, изумительно вкусное блюдо.

Ори как-то говорил о принце: «Он тяжелый и подозрительный человек». И не советовал Лэйену лгать. А напоследок добавил: «Он захочет взглянуть на вас, господин».

Принц действительно рассматривал меня после того, как закончил с крылом химеры. Даже для человека ел он мало. Впрочем, с его телосложением по-другому, наверное, не бывает: Лэйен был высок, но очень худ. Прямо как супруг дражайшей Лавинии, которого слуги за глаза сравнивали с фонарным столбом.

— Нет аппетита, Элвин?

Нуал тихо рассмеялся. Принц не обратил на него внимания — он все еще изучал меня. Внимательно, как коллекционер — бабочку. Редкая она или у него уже есть такой экземпляр?

Я улыбнулся — так же, как улыбался аристократкам на Острове. Их взгляды были такими же: нужен ли ей такой спутник в коллекцию или не стоит тратить деньги?

— Благодарю, Ваше... Твое Высочество, но я уже сыт. Лэйен поднял брови.

— Неужели? Впервые вижу сытого мага. Ты попробовал пудинг? Нуал, передай нам пудинг, пожалуйста.

Советник вздохнул.

— Лэй, пожалуйста...

Но принц сделал ему знак замолчать и принял тарелку с рисом.

— Попробуй, Элвин. Пряный соус очень к нему подходит.

Профессионально улыбаясь, я съел ложку. Не могу сказать, что этот соус подходил к блюду, но принц был не первым, кто заставлял меня восхищаться талантами чужого повара. Я знал правила этой игры.

Лэйен выслушал мои комплименты и повернулся к Нуалу.

— А он умеет лгать.

Советник вздохнул и посмотрел на меня так, словно это было испытание, которое я провалил.

Я отложил ложку и вытер губы салфеткой.

— Прости, милорд, но меня учили быть вежливым в присутствии королевских особ и ни в коем случае им не перечить.

— Правда? — Лэйен снова разглядывал меня. — Кто же тебя этому учил? Вряд ли Шериада.

Я помедлил с ответом, и он зачем-то пояснил:

— Она почти ничего не говорила о том, где нашла тебя. Сказала, ты жил в мире ее матери, и только. Кем же ты там был?

— Я был никем.

Снова повисла тишина. Лэйен облокотился о спинку кресла с улыбкой коллекционера, у которого бабочка вдруг заговорила.

— Действительно? Что же делает в твоём мире никто, Элвин?

Я смотрел на него и вспоминал, чему нас учили на Острове: не показывай свои чувства, если это не любовь или восхищение.

«Ни в коем случае не лгите ему, господин», — тут же вспоминал я слова Ори.

— То же, что делают люди, когда попадают во владение магов. Или волшебники, на которых поставили печать. Твое Высочество.

Глаза принца расширились. Он снова окинул меня взглядом и особенно внимательно рассмотрел лицо.

— Шериада купила тебя?

— Да, Твое Высочество.

— Она заставила тебя поступить в Арлисс? Ты здесь не по своей воле?

Я помедлил.

— Она...

«...шантажирует меня семьей. Она обещает убить их, если я не буду послушным», — думал я.

— Она мне платит, милорд, — ответил я. — У меня есть мать и сестра, я должен их обеспечивать.

Лэйен медленно кивнул, не сводя взгляда с моего лица.

— И каков же твой гонорар за обучение в Арлиссе?

Я поколебался, но назвал сумму, полученную за первый месяц. Советник не сдержал улыбки, принц же и бровью не повел. И снова сменил тему:

— Нуал рассказал, что ты видел ее приступ. Почему ты не убил ее, Элвин? Не захотел власти?

«Это Нуклий, — напомнил я себе. — То есть Междумирье, конечно, но порядки нуклийские. Здесь нужно объяснять такие вещи».

— Я не убийца, милорд.

— Нет? Леди Вэйну ты чуть на тот свет не отправил. Если для демонов, конечно, существует «тот свет».

Разумеется, мы должны были прийти к обсуждению моей недавней выходки. Я не знал, стоит ли извиняться. На Острове я уже стоял бы в цепях на коленях перед палачом. Или ехал бы в клетке на Большую Землю. В Нуклии же прощения не просят ни за что.

— Милорд, госпожа посол издевалась над моим слугой и другом. И пыталась убить меня. Я пока плохо контролирую магию. Это вышло случайно. Я...

— Понятно, — сухо перебил принц. — То есть у тебя просто не получилось справиться с магией, когда Шериада билась в припадке, так?

От ярости меня бросило в жар. Но это Нуклий, и мне действительно пора было уже привыкнуть.

— Милорд, я не убийца. Прошу простить, но твои слова звучат для меня странно. Порядки в моем мире не такие. Я не мог — не могу — и помыслить о таком. Это просто мерзко.

— Даже сейчас? После месяца учебы в Арлиссе? Все еще мерзко? Теперь ты знаешь, что на кону. Твоя семья была бы обеспечена на годы и десятилетия. Ты сам мог бы не задумываться о своем будущем, обладай ты силой Шериады и ее властью.

Когда я посмотрел на него, то ответил без колебаний:

— Да, Твое Высочество. Это мерзко и недопустимо. И так для меня будет всегда. Если тебе нужен убийца, то лучше отдай меня демонам. Я не подхожу на эту роль.

Принц покачал головой.

— Мне нужен верный волшебник, который не всадит клинок в спину моей сестре или мне. Убийцам, Элвин, я не доверяю. И не беспокойся, я не отправлю тебя в Лион, даже если ты сейчас кинешься на меня со столовым ножом. Для королевы ты слишком важен. Она расстроится, если с тобой что-то случится. А я ненавижу расстраивать сестру.

Я спрятал руки за спину, чтобы не видно было, как они дрожат. Конечно, я ни на грамм ему не поверил.

Принц вздохнул.

— Я не умею располагать к себе так, как моя сестра. Никогда не видел в этом необходимости.

— Она тоже, — вставил Нуал. — Если не назвать расположением угрозу убить изощренным образом всех членов твоей семьи.

— Кто бы говорил, — фыркнул Лэйен. — Членов твоей семьи, Нуал, грех было не убить. Нарывались.

— Удерживали трон, — с достоинством поправил советник. — Это не одно и то же.

Лэйен спорить не стал.

— Я лишь хочу сказать, что не доверяю магам, — сказал он. — И я не хотел пугать тебя, Элвин. Прости, что так вышло.

Шериада. Он смотрел на меня, а я видел Шериаду — ее глаза, ее грустная улыбка. Те моменты, когда она сначала грозила уничтожить все, что мне дорого, а потом извинялась. Когда она грубила, срывалась, кричала — в общем, вела себя как настоящая аристократка.

Лэйен был похож на нее очень сильно. Они должны быть родственниками. Пусть дальними, но родство было налицо.

— Надеюсь, когда мы встретимся в следующий раз, у нас будет больше времени для беседы. — Принц встал, и я поднялся следом. Нуал остался сидеть. — Ты играешь в шахматы, Элвин?

— Да, милорд.

— Прекрасно. Значит, шахматы. — Он помедлил. — И еще, Элвин. Я понимаю твоё желание защитить семью. У меня тоже есть сестра и за нее я отдам жизнь. Но я не позволю ей превратиться в чудовище.

Зачем он это сказал — не знаю. Но, похоже, ответ и не требовался.

— Десерт? — невозмутимо предложил Нуал, когда принц ушел. — Если попросишь шоколад, я тебя убью. Видеть этот шоколад уже не могу!

Я рассмеялся — слишком надолго, чтобы это не походило на истерику.

— Нет, гос... Нуал. А есть ли мороженое? Здесь очень жарко.

Потом мы неожиданно стали обсуждать теормагию. По-моему, Нуал просто хотел меня отвлечь — у королевского советника наверняка полно дел. Он действительно сначала сортировал какие-то документы, но стоило мне обмолвиться о своих проблемах с принципами схем, как Нуал загорелся.

Среди волшебников много увлеченных людей. В мире, где важнее магии ничего нет, это нормально. У нас на Острове аристократы занимаются кто чем придется, а работа считается едва ли не преступлением, поэтому среди выпускников даже лучших колледжей так мало высокородных студентов: в основном, это прерогатива среднего класса. В Нуклии же каждый маг оттачивает мастерство до совершенства. И очень многие влюблены в свою специализацию и с горящими глазами обсуждают ее. Я часто видел это как у преподавателей, так и у студентов.

Но лишь некоторые терпимы к ошибкам других. Мне кажется, именно это отличает хорошего учителя от посредственного: хороший учитель позволяет ученикам ошибаться. Разве можно чему-то научиться немедленно, сходу? Разве совершенство не построено на ошибках?

Нуал — единственный из всех встретившихся мне в Арлиссе магов допускал у ученика возможность ошибки. За какой-то час он объяснил мне — просто, с примерами — больше, чем преподаватели теормагии за месяц. Я наконец понял, по какому принципу строятся схемы. А также каким образом Криденс, наш теормаг, виртуозно их улучшает. И как можно улучшить мои.

— Отлично, — хвалил меня Нуал. — Ты схватываешь на лету!

Если бы.

Если бы все учителя в Арлиссе были столь терпеливы.

На объяснении закона Шиммера про пять видов центра пентаграммы нас прервали. За окном стало шумно, Нуал запнулся, прислушался и рассмеялся.

— Похоже, это твои одноклассники требуют доказательств, что тебя здесь не съели.

Я сначала ему не поверил. Но внизу на крыльце у парадного входа действительно ссорился с невозмутимыми гвардейцами Сэв, рядом стояла Адель, а Нил, живой и невредимый, задрав голову, изучал окна.

Он первым заметил меня и спросил знаками: «С тобой все хорошо?»

Я кивнул.

Адель тоже меня увидела и толкнула локтем Сэва.

Тому кивка не хватило.

— Элви-и-ин, ты живо-о-ой?! — закричал принц, спугнув стайку радужных птиц, круживших над альвийскими розами. Кричать в ответ я не стал и просто сделал ему знак отстать. Мы в группе выработали систему жестов для общения в те моменты, когда клипсы-артефакты не работают, а говорить нельзя.

— А то ты сам не видишь. — Адель схватила Сэва за локоть и повела прочь от посольства.

— А что? — возмущался принц, постоянно оглядываясь. — Вдруг, это иллюзия? Или сразу оживший труп? Почему нет? Эй, пусти меня, я хочу попросить у Повелительницы пересмотра наказания! Не могу я уже! Умираю!

Его вопли еще долго не утихали вдали.

Нил уходить не спешил. Он устроился у ног статуи Повелительницы, достал книгу и, больше не обращая внимания на мои знаки, приготовился ждать.

— Хумара, — голос советника заставил меня подпрыгнуть от неожиданности. Нуал стоял совсем рядом и тоже смотрел в окно. — Что ж, теперь понятно, кому достался люмний, который Шериада так долго выпрашивала у Руадана. Уведи его отсюда, Элвин, он фонит на все посольство.

Я схватился за клипсу. Нил снова поднял голову, прищурился, увидев Нуала за моей спиной.

Советник шелкнул пальцем.

Гвардейцы появились словно по волшебству. Они окружили Нила и очень быстро отконвоировали к воротам.

— Для его же пользы, — тихо сказал Нуал.

Я промолчал. А Нуал, словно спохватившись, снова вытащил флакон с чернилами для схемы.

— Смотри, на этот раз тебе нужно нарисовать следующее...

Схема была не просто сложной — она представляла такое дикое переплетение линий, словно в этом клубке запутался целый выводок котов.

— Я помогу, — пообещал Нуал.

— Господин, даже с вашей помощью, я не... — Кажется, я сказал это на языке Острова — настолько опешил.

Советник кивнул, предлагая опуститься на колени рядом с ним, и положил свиток со схемой на пол.

— Смотри, начать нужно здесь...

Закончили мы как раз к приходу принца — краска только-только высохла, а Нуал уже накинул на схему ковер.

— Но зачем?.. — начал было я, однако советник покачал головой: молчи.

Принц не обратил внимания: он разговаривал по клипсе-артефакту — негромко, очень холодно, на незнакомом языке.

Сколько же языков нужно знать для службы в посольстве Нуклия?

— Наша позиция не изменилась, — сказал Лэйен, закончив разговор. — Не нужно пока ничего чертить, пусть они нас вызывают. Они же заинтересованы в нашем маге.

«А зачем я тогда мучился с той сложнейшей схемой», — думал я, снова не зная куда деть руки. Ясно было, какого мага имеет в виду принц.

На этот раз демон появился в зеркале. Наверное, он опоздал: Лэйен уже какое-то время, сидя в кресле, нетерпеливо постукивал пальцами по столу.

— Ты отдашь нам демонолога, брат Повелительницы? — вкрадчиво поинтересовался на нуклийском лионец, не сводя с меня взгляда.

Лэйен ответил на лионском — высокомерно отказал, я полагаю, потому что демон шагнул было прочь, намереваясь на этом переговоры закончить. Но принц все говорил и говорил — и вот уже высший оскалился в ответ.

Наверное, они угрожали друг другу войной. Быть может, подробно рассказывали, что сделают с мирами их армии... не знаю, я с трудом могу представить межмировую войну. В любом случае я оценил только интонации — одинаково низкие, высокомерные.

До конфликта в любом случае не дошло.

В кабинете возник Повелитель.

— Почему я должен искать тебя, зайчик? — капризно поинтересовался он, протягивая ко мне когтистую руку. — Ну и что ты застыл? Идем.

— Никуда он не пойдет. — Принц поднялся, заслоняя меня.

Руадан посмотрел сначала на него, потом на зеркало — демон в нем посерел и отпрянул, скрывшись во тьме. Мгновение спустя зеркало уже отражало, как и положено, лишь комнату.

— Ах, здравствуй, Лэй, — пропел Повелитель. — Этот зайчик не просто пойдет со мной, а очень резво поскачет. Мы с куколкой условились...

— Он останется здесь, и ты тоже, — перебил принц.

Руадан улыбнулся.

— И кто же меня остановит? Ты, мальчишка? Или евнух у тебя за спиной? Зайка, я теряю время. А я ненавижу терять время.

— Никто никуда не пойдет, — повторил принц. — Пока мы с тобой, Повелитель, не заключим договор.

— Ты меня утомляешь, человек, — вздохнул Руадан, шагая ко мне. — Что же ты сделаешь, если я...

Тут ковер под ним загорелся, и схема под ним обнажилась.

Запахло паленым. Нуал поспешно открыл окно, и в комнату проник запах альвийских роз.

Повелитель нахмурился. Он смотрел на язычки пламени под своими ногами, на завихрение линий схемы и медленно качал головой.

— Куколка, это не смешно, — сказал он наконец. — Ты же обещала.

— Шериады тут нет, — отозвался принц. — А вот ты здесь, Повелитель, похоже, надолго. Обсудим условия нового мирного договора?

Руадан присел, коснулся схемы потом поднес испачканные пальцы ко рту и облизнул их. Ничего чувственного в этом не было — только звериное. Демоническое.

